

Буквально на каждой странице читателя поджидает сюрприз — не говоря уже о финале.
The Washington Post

ДИН КУНШ

ФАНТОМЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

The Big Book. Дин Кунц

Дин Кунц

Фантомы

«Азбука-Аттикус»

1983

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

Кунц Д. Р.

Фантомы / Д. Р. Кунц — «Азбука-Аттикус», 1983 — (The Big Book. Дин Кунц)

ISBN 978-5-389-16234-1

Приятно возвращаться в дорогие с детства места после долгих лет, проведенных вдали от дома. У Дженнифер Пэйдж радостно билось сердце, когда она вместе с Лизой, своей четырнадцатилетней сестрой, въезжала в родной Сноуфилд, маленький городок в горах, тихий, безмятежный, спокойный. Он и правда встретил их тишиной, но это была мертвая тишина – жители городка исчезли. А те немногие, кого они обнаружили, были безжалостно убиты. Кто уничтожил Сноуфилд? Какая страшная сила? Можно ли ей противостоять? И если да, то какими жертвами достанется победа над ней?

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-389-16234-1

© Кунц Д. Р., 1983
© Азбука-Аттикус, 1983

Содержание

Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	8
Глава 3	16
Глава 4	21
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	38
Глава 8	42
Глава 9	46
Глава 10	53
Глава 11	62
Глава 12	75
Глава 13	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Дин Кунц

Фантомы

Эта книга посвящается той, которая всегда рядом, той, которая все принимает близко к сердцу, той, которая все понимает, той, подобной которой не существует: Герде, моей жене и моему лучшему другу

Dean Koontz
PHANTOMS
Copyright © 1983 by Dean R. Koontz

© Н. А. Косолапов, перевод, 2019
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019
Издательство АЗБУКА®

* * *

В восемь лет Дин Кунц писал свои сочинения от руки, делал к ним цветные обложки и продавал соседям. Первый его роман «Star Quest» (в русском переводе «Мутанты») был издан в 1968 году. Начав с традиционной фантастики с вкраплением элементов хоррора, после 1975 года Кунц пишет исключительно хоррор. На сегодняшний день у писателя выпущено более 90 произведений, переведенных на 38 языков мира и изданных тиражом 450 миллионов экземпляров. По его романам поставлен ряд кино- и телефильмов. Критики нередко ставят писателя в один ряд со Стивеном Кингом и Питером Страубом.

Литературное чудо... Гобелен, сотканный из интриги и постоянной атмосферы тревоги.
The Boston Globe

Потрясающе!... Книга, заставляющая сердце биться с удвоенной силой.
Cosmopolitan

В книгах Кунца действие развивается стремительно – в сравнении с ним у большинства авторов триллеров сюжеты стоят на месте.
The Denver Post

Дин Кунц практически монополизировал жанр. Он великолепно умеет завораживать читателя и держать его в напряжении.
Richmond Times-Dispatch

Взрыв эмоций... Захватывает воображение и заставляет думать – другой такой роман нужно еще поискать.
Baton Rouge Advocate

Часть I

Жертвы

Объял меня ужас и трепет и потряс все кости мои.
Книга Иова, 4: 14

Цивилизованный человеческий дух... не в состоянии избавиться от ощущения, что в мире существует нечто сверхъестественное.
Томас Манн. Доктор Фаустус

Глава 1

В полицейском участке

Где-то в отдалении раздался и мгновенно стих пронзительный вопль. Кричала женщина. Пол Хендерсон, помощник шерифа, оторвался от журнала «Тайм» и насторожился, прислушиваясь.

В лучах солнца, настолько ярких, что казалось, они пронзают саму раму окна, медленно кружились пылинки. Тонкая красная секундная стрелка настенных часов беззвучно скользила по циферблату.

Единственным звуком в комнате был скрип кресла под Хендерсоном, когда он слегка изменил позу.

Сквозь большие окна фасадной стены участка Хендерсону была видна часть Скайлайн-роуд, главной улицы Сноуфилда. В этот послеполуденный час, под золотыми лучами солнца, улица была совершенно пустынной и спокойной. Лишь трепетали листья и слегка раскачивались ветви деревьев под легкими дуновениями ветра.

Какое-то время Хендерсон старательно прислушивался, пока наконец сам не засомневался, не померещился ли ему этот крик.

«Воображение разыгралось, – решил он. – Мне просто хочется, чтобы хоть что-нибудь произошло».

Ему действительно почти хотелось, чтобы это и в самом деле оказался чей-то крик. Его неугомонная, деятельная натура испытывала сейчас какое-то тревожное беспокойство.

В межсезонье, с апреля и до конца сентября, он был единственным полицейским, постоянно приписанным к участку в Сноуфилде, и это была не служба, а тоска. Зимой, когда в городок съезжались несколько тысяч лыжников, приходилось возиться с пьяными, разнимать драки, расследовать кражи из номеров в гостиницах, пансионатах и мотелях, где останавливались отдыхающие. Но сейчас, в начале сентября, работали только два небольших мотеля, охотничий домик и гостиница «При свечах». Местные жители были людьми спокойными, и Хендерсон, которому было всего двадцать четыре и который дослуживал лишь самый первый год в должности помощника шерифа, помирал от скуки.

Он вздохнул, взглянул на лежавший перед ним на столе журнал – и снова услышал вопль. Как и в первый раз, кричали где-то далеко, и звук мгновенно оборвался, но на этот раз вроде бы кричал мужчина. Это был не возглас восторга и даже не крик о помощи; это был вопль ужаса.

Нахмурившись, Хендерсон встал и направился к двери, поправляя на ходу кобуру с револьвером, висевшую на правом бедре. Он миновал открывающуюся в обе стороны дверцу в ограждении, отделяющем «стойло» – внутреннюю часть участка – от предбанника для посторонних, и уже почти дошел до выхода, как вдруг услышал позади себя какое-то движение.

Этого просто не могло быть. Весь день он просидел в участке в полном одиночестве. В трех камерах, расположенных в тыльной части здания, арестованных не было уже больше недели. Задняя дверь была заперта, других входов в участок не было.

Однако, обернувшись, Хендерсон обнаружил, что он здесь уже действительно не один. И вся обуревавшая его скука исчезла в мгновение ока.

Глава 2

Возвращение домой

В предзакатный час того воскресного дня, в самом начале сентября, горы были окрашены лишь в два цвета: зеленый и синий. Сосны и ели выглядели так, словно были сделаны из сукна, каким покрывают бильярдные столы. И повсюду лежали холодные голубые и синие тени, с каждой минутой становившиеся все длиннее, все темнее, приобретающие все более глубокий оттенок.

Сидя за рулем своего «пontiака», Дженнифер Пэйдж радостно и беззаботно улыбалась при виде красоты этих гор и в предвкушении возвращения домой. Она искренне любила эти края и душой всегда была здесь.

Она свернула с трехполосной магистрали, дороги штата, на местное, покрытое черным асфальтом, узкое шоссе. Еще четыре мили непрерывных поворотов, подъем к перевалу – и они будут в Сноуфилде.

– Мне здесь так нравится! – проговорила сидевшая рядом ее сестра, четырнадцатилетняя Лиза.

– Мне тоже.

– А снег когда будет?

– Через месяц. Может быть, раньше.

Деревья подступили почти вплотную к дороге. «Понтиак» въехал в тоннель, который образовывали смыкавшиеся над асфальтом кроны деревьев, и Дженни включила фары.

– Я никогда не видела снег. Только на картинках, – сказала Лиза.

– К следующей весне он успеет тебе надоесть.

– Только не мне. Никогда. Я всегда мечтала жить в таких краях, где бывает снег. Как ты.

Дженни искоса посмотрела на девочку. Даже для сестер они были поразительно похожи друг на друга: одинаковые зеленые глаза, одинаковые рыжеватые волосы, одинаково высокие скулы.

– Научишь меня кататься на лыжах? – спросила Лиза.

– Ну, голубушка, когда сюда съезжаются лыжники, бывает обычно масса сломанных ног, растянутых мышц, поврежденных спин, порванных связок... Я тогда занята по горло.

– Да-а-а... – протянула Лиза, не в силах скрыть свое разочарование.

– А потом, зачем учиться у меня, если ты можешь брать уроки у настоящего профессионала?

– У профессионала? – Лицо Лизы немного просветлело.

– Конечно. Если я попрошу, Хэнк Андерсон тебя научит.

– А кто он такой?

– Владелец охотничьего домика, который называется «Сосновая гора». И он инструктор по горным лыжам. Но учит только очень немногих, тех, кто ему нравится.

– Он твой парень?

Дженни улыбнулась, вспомнив, какой была сама, когда ей было четырнадцать лет. В этом возрасте большинство девочек одержимы мальчиками, прежде всего мальчиками, и ничем больше.

– Нет, Хэнк не мой парень. Я его знаю уже два года, с тех самых пор, как приехала в Сноуфилд. Но мы просто хорошие друзья.

Они проехали мимо зеленого щита, на котором белыми буквами было написано: «ДО СНОУФИЛДА – 3 МИЛИ».

– На спор: здесь наверняка будет много ребят что надо моего возраста.

– Сноуфилд не очень большой городок, – предупредила сестру Дженни. – Но, думаю, пару хороших ребят ты здесь найдешь.

– Во время лыжного сезона их тут, должно быть, десятки!

– Господи, малышка! Не станешь же ты встречаться с приезжими! По крайней мере еще несколько лет тебе *это* нельзя.

– Почему *это*?

– Потому что я так сказала.

– Но почему нельзя?

– Прежде чем встречаться с каким-нибудь мальчиком, ты должна узнать, откуда он, из какой семьи, что собой представляет.

– Ну, я потрясно разбираюсь в людях! – заявила Лиза. – На мое первое впечатление всегда можно положиться целиком и полностью. Обо мне не беспокойся. Какой-нибудь маньяк-убийца или сумасшедший насильник меня не подцепит.

– Надеюсь, – ответила Дженни, притормаживая перед крутым поворотом, – но все-таки встречаться ты будешь только с местными ребятами.

Лиза вздохнула и покачала головой, подчеркнуто театрально изображая разочарование и чувство безысходности.

– Если ты не заметила, Дженни, то могу сказать: пока тебя не было, я уже вполне созрела и больше не ребенок.

– Это я заметила, не беспокойся.

Они проехали поворот. Впереди лежал прямой участок дороги, и Дженни снова нажала на газ.

– У меня уже даже сиськи есть, – похвасталась Лиза.

– На это я тоже обратила внимание, – ответила Дженни, решив не дать сестре вывести себя из равновесия ее подчеркнуто откровенными заявлениями.

– Я уже больше не ребенок.

– Но ты еще и не взрослая. Ты пока подросток.

– Я молодая женщина!

– Молодая? Да. Женщина? Еще нет.

– Ха!

– Послушай. По закону я твой опекун. Я несу за тебя ответственность. А кроме того, я твоя сестра и я тебя люблю. И я буду делать то, что, на мой взгляд, будет лучше для тебя же. Я уверена, что лучше.

Лиза демонстративно громко вздохнула.

– Потому что я тебя люблю, – повторила Дженни.

– Значит, ты будешь такая же придира, какой была мама, – бросив на сестру злой взгляд, проговорила Лиза.

– Может быть, даже строже, – согласно кивнула Дженни.

– Жуть!

Дженни искоса посмотрела на Лизу. Девочка глядела в боковое окно машины, и поэтому Дженни видела только ее профиль. Но все-таки по лицу не было заметно, чтобы Лиза сердилась по-настоящему. И губы у нее не были надуты, скорее уж они непроизвольно стремились растянуться в улыбке.

«Детям необходимы строгие правила, понимают они это сами или нет, – подумала Дженни. – Дисциплина – это выражение любви и заботы. Главная трудность в том, чтобы не навязывать правила и дисциплину жесткими, грубыми методами».

Переводя взгляд снова на дорогу и немного разминая лежащие на руле руки, Дженни проговорила:

– Могу сказать, *что* я разрешу тебе делать.

– Что?

– Я разрешу тебе самой застегивать туфли.

– Ну да?! – Лиза подмигнула ей.

– Разрешу принимать ванну в любое время, когда тебе только захочется.

Не в силах больше выдерживать позу оскорбленного собственного достоинства, Лиза захихикала:

– А есть, если мне захочется, ты мне позволишь?

– Безусловно, – широко улыбнулась Дженни. – Я тебе позволю даже убирать за собой по утрам постель.

– Ах, какая вольница! – проговорила Лиза.

В этот момент девочка казалась даже еще младше, чем была на самом деле. В теннисных туфлях, джинсах и свободной, как носят на Западном побережье, блузке, не в силах сдержатъ смех, Лиза выглядела сейчас особенно милой, хрупкой, нежной и ужасно беззащитной.

– Друзья? – спросила ее Дженни.

– Друзья.

Дженни была удивлена и обрадована той легкости, с которой она и Лиза общались друг с другом во время этой долгой поездки на север от Ньюпорт-Бич. Все-таки, несмотря на кровное родство, они были практически чужими людьми. Дженни была на семнадцать лет старше Лизы – ей уже исполнился тридцать один год. Она уехала из дома, когда Лизе не сравнялось еще и двух лет, за полгода до того, как умер их отец. На протяжении всего того времени, что она училась в медицинском колледже, а потом проходила практику в пресвитерианском госпитале при Колумбийском университете в Нью-Йорке, Дженни постоянно приходилось очень много работать, к тому же она была слишком далека от дома, чтобы более или менее регулярно видеться с матерью и Лизой. Потом, закончив обучение, она вернулась в Калифорнию с намерением открыть собственный кабинет в Сноуфилде. В течение двух последних лет она трудилась изо всех сил, чтобы обзавестись надежной врачебной практикой в самом Сноуфилде и нескольких других таких же небольших городках, разбросанных в горах. Недавно умерла их мать, и только тогда Дженни пожалела о том, что у нее не сложились более близкие отношения с Лизой. Может быть, теперь, когда они остались вдвоем, они смогут как-то восполнить то, что было упущено в прошлом.

Узкая дорога шла на подъем, долина с ее тенями и полусумраком осталась уже позади, и, по мере того как «понтак» забирался все выше, сгущавшиеся сумерки вокруг машины как бы на время отступали.

– Такое ощущение, словно уши заложило ватой, – проговорила Лиза, широко зевая, чтобы компенсировать разницу в давлении.

Впереди был крутой поворот, и Дженни притормозила. Дальше, за поворотом, шел еще один длинный, взбирающийся вверх прямой отрезок, и в конце его узкое местное шоссе переходило в Скайлайн-роуд, главную улицу Сноуфилда.

Лиза с жадным любопытством всматривалась вперед, через испещренное полосами от разбившихся насекомых ветровое стекло. Городок явно произвел на нее впечатление.

– Это вовсе не то, что я ожидала!

– А что ты ожидала?

– Ну, знаешь, что-нибудь вроде скопления безобразных мотелей с неоновыми вывесками, массу бензоколонок, нечто в этом роде. А тут так симпатично!

– У нас очень жесткие правила застройки, – сказала Дженни. – Неоновые вывески запрещены. Пластмассовые щиты и знаки тоже. Никаких кричащих цветов, никаких кафе, которые были бы выстроены в форме кофейника.

– Тут здорово, – сказала Лиза, глаза с любопытством по сторонам, пока они медленно ехали по городу.

Вся уличная реклама ограничивалась лишь грубо обструганными, выдержанными в деревенском стиле досками, на которых было написано название заведения и то, чем оно занимается. Архитектура была несколько эклектичной – можно было видеть дома, выстроенные в норвежском, швейцарском, баварском, франко-альпийском и итало-альпийском стилях, – но каждое здание было выдержано в стиле, принятом в той или иной горной местности. Широко использовались самые разные строительные материалы и приемы отделки: камень и кирпич, дерево и шифер, проолифенные или искусственно состаренные брусья и доски, цветное и затемненное стекло, оконные рамы с разнообразными вычурными переплетами. Жилые дома, выстроившиеся вдоль дальнего конца Скайлайн-роуд, выставляли напоказ цветочные ящики под окнами, балконы и парадные крылечки с перилами, под которыми красовались причудливые решетки.

– Очень красиво, – сказала Лиза. Они ехали в гору, в сторону лыжных подъемников, что были установлены в противоположной от въезда части города. – А тут всегда так тихо?

– Ну нет, – ответила Дженни. – Зимой тут бывает очень оживленно и...

Она не закончила фразу, внезапно поняв, что городок выглядит не просто тихим, но мертвым.

Обычно в сентябрьское воскресенье, после обеда, когда на улице тепло и сухо, кто-нибудь из местных жителей обязательно прогуливался бы по вымощенным булыжником тротуарам, кто-нибудь сидел бы на крыльце дома или на одном из балконов, что выходили на Скайлайн-роуд. Приближалась зима, и горожане очень ценили эти последние погожие деньки. Сегодня же, хотя вечер еще только начинался, на балконах, тротуарах, возле домов не было ни одного человека. Даже в тех домах и магазинах, где горел свет, не было никаких признаков жизни. Единственной машиной, движущейся по довольно длинной улице, был «понтиак» Дженни.

Она затормозила перед знаком «Стоп» возле первого перекрестка. Здесь Скайлайн-роуд пересекала Сент-Мориц-уэй, которая шла на три квартала к востоку и на четыре к западу от главной улицы. Дженни посмотрела в обе стороны, но и там никого не было видно.

Следующий квартал вдоль Скайлайн-роуд был тоже совершенно пустынен. Тот, что за ним, – тоже.

– Странно, – сказала Дженни.

– Наверное, по телевизору показывают что-нибудь потрясное, – проговорила Лиза.

– Наверное.

Они миновали «Горный вид», стоящий на углу Скайлайн-роуд и Вейл-лейн. В ресторане горел свет, но внутри – это было отлично видно сквозь большие окна – не было ни души. Местные жители любили заглядывать в «Горный вид» и зимой, и в межсезонье, и потому было очень необычно, чтобы в такое время дня ресторан стоял совершенно пустой. Не видно было даже официанток.

Лиза, кажется, уже потеряла интерес к этой противоестественной тишине, хотя она первая обратила на нее внимание. Но сейчас она снова во все глаза смотрела по сторонам и возмущалась зданиями необычной архитектуры.

Дженни, однако, не могла поверить, будто все жители городка действительно засели перед телевизорами, как предположила Лиза. Озадаченная, она, нахмурившись, медленно ехала в гору, вглядываясь по дороге в каждое окно. Но нигде не было видно ни малейших признаков жизни.

Сноуфилд протянулся вдоль идущей снизу вверх главной улицы на шесть кварталов. Дом Дженни находился в центре самого дальнего квартала, с западной стороны Скайлайн-роуд, там, где начинались лыжные подъемники. Это было двухэтажное шале, выстроенное из камня и дерева, с тремя мансардными окнами в той его части, которая смотрела на улицу. Причудливо изломанная, крытая шифером крыша была выкрашена в серый, синий и черный цвета.

Дом стоял позади живой изгороди из вечнозеленого кустарника, высотой примерно по грудь взрослого человека, футах¹ в двадцати от мощеного тротуара. На углу, возле входа, был врыт столбик, на котором висела табличка: «ДЖЕННИФЕР ПЭЙДЖ, доктор медицины» и стояли часы приема.

Дженни припарковала «пontiак» на дорожке перед гаражом.

– Отличный домик! – восхитилась Лиза.

Это был первый дом, который смогла приобрести Дженни за всю свою жизнь, и она любила его и гордилась им. Один только вид этого дома пробуждал в ней самые теплые чувства и действовал успокаивающе, и на какое-то время Дженни позабыла о той странной тишине, что, подобно одеялу, опустилась на весь Сноуфилд и накрыла его.

– Ну, он для меня немножечко мал, особенно если учесть, что половину первого этажа занимают мой кабинет и приемная. И принадлежит он в большей мере банку, чем мне. Но у него есть свое лицо.

– А то! – подтвердила Лиза.

Они вышли из машины, и Дженни обнаружила, что с заходом солнца подул холодный ветер. На ней были джинсы и зеленый свитер с длинным рукавом, тем не менее она задрожала. В горах Сьерры осенью теплые, приятные дни всегда сменялись как бы контрастирующими с ними холодными, даже морозными ночами.

Она потянулась, расправляя мышцы, одеревеневшие за время долгой поездки, потом захлопнула дверцу машины. Звук захлопывающейся дверцы эхом отозвался наверху, в горах, и внизу, в городке. И это был единственный звук, раздавшийся в сумеречной тишине.

Дженни постояла минуту-другую возле багажника «пontiака», глядя вдоль Скайлайн-роуд в сторону центра Сноуфилда. Все было по-прежнему неподвижно.

– Я бы могла здесь жить вечно, – заявила Лиза, обхватывая себя руками от холода, но радостно вглядываясь в открывшийся ее взгляду городок внизу.

Дженни прислушалась. Эхо, вызванное хлопком дверцы, растаяло, но на смену ему не возник никакой другой звук. Только легкие, в южную сторону, дуновения ветра.

Бывает тишина – и тишина: различные ее разновидности не похожи друг на друга. Скорбная тишина в обитой черным бархатом и устланной толстыми коврами похоронной конторе сильно отличается от мрачной, холодной и жуткой скорбной тишины в спальне вдовы. Дженни казалось очень странным, что царившая в Сноуфилде тишина как будто бы несла на себе отпечаток скорби. Она, однако, не могла понять, чем вызвано у нее такое ощущение да и откуда оно вообще возникло. Она подумала о той тишине, которая бывает теплой летней ночью и которая на самом деле вовсе не тишина, но причудливое сочетание хлопанья крыльев бьющейся о стекло ночной бабочки, стрекота сверчков и чых-то порохов в траве, потрескиваний на веранде и других с трудом различимых звуков. В безмолвной дремоте Сноуфилда тоже было нечто похожее, она рождала ощущение, что где-то рядом идет лихорадочная деятельность – что-то движется, звучат голоса, кто-то с кем-то борется, – но все это происходит на грани и за гранью человеческого восприятия. Однако было в этом безмолвии и нечто большее. Есть ведь еще и особая тишина зимней ночи – тишина глубокая, холодная и бессердечная, но скрывающая в себе ожидание, что по весне все взорвется звуками пробуждающейся, растущей жизни. В этом безмолвии тоже было скрыто ожидание, и оно-то и вселяло в Дженни чувство тревоги.

Ей захотелось окликнуть: «Кто тут?» Но она не стала этого делать, на ее крик могли выйти соседи, которые сейчас спокойно сидят по домам, и тогда она оказалась бы в глупом положении. А врач, который в понедельник на виду у всех повел себя глупо, во вторник лишился бы практики.

---

¹ 1 фут (1/2 ярда, 12 дюймов) равен 0,3048 м. – Здесь и далее примеч. перев.

– ...Жить здесь вечно, всегда-всегда, – говорила Лиза, все еще не в состоянии прийти в себя от восторга, вызванного красотой этого горного городка.

– А тебя ничего... не настораживает? – спросила Дженни.

– Что именно?

– Тишина.

– Что ты, мне она нравится! Здесь так спокойно.

Вокруг действительно было спокойно. Ни малейшего признака беды, никаких причин для волнений.

«Тогда отчего же мне так чертовски не по себе?» – подумала Дженни.

Она открыла багажник и достала оттуда вначале один чемодан Лизы, потом другой.

Лиза подхватила второй чемодан и полезла в багажник за сумкой с книгами.

– Не перегружайся, – сказала Дженни. – Все равно придется еще пару раз сходить.

По лужайке они прошли до выложенной камнем дорожки и направились по ней к парадному крыльцу, вокруг которого в янтарно-красных лучах заходящего солнца пролегли уже во все стороны удлиняющиеся тени, чем-то напоминающие расходящиеся лепестки ночного цветка.

Дженни открыла входную дверь и вошла в темную прихожую.

– Хильда, мы приехали!

Никакого ответа.

Единственный свет в доме горел в дальнем конце холла, за открытой дверью, что вела на кухню.

Дженни поставила чемоданы на пол и включила свет в холле.

– Хильда?!

– А кто такая эта Хильда? – спросила Лиза, бросая свой чемодан и сумку с книгами.

– Моя экономка. Она знала, в котором примерно часу мы должны приехать. Я думала, что она уже накрывает на стол.

– Ого, экономка! И она постоянно тут живет?

– У нее квартира над гаражом, – ответила Дженни, кладя сумочку и ключи от машины на небольшой столик под огромным зеркалом в бронзовой раме.

На Лизу эти слова произвели впечатление.

– Ого! А ты что, богатенькая?

– Да нет, – засмеялась Дженни. – На самом-то деле экономка мне не по средствам. Но и без нее я тоже не могу обойтись.

Недоумеая, почему на кухне горит свет, если Хильды там нет, Дженни направилась туда через холл. Лиза почти вплотную шла за ней следом.

– Мне надо строго выдерживать часы приема, да еще выезжать на срочные вызовы на дом в три других городка в здешних горах. Если бы не Хильда, мне пришлось бы питаться одними бутербродами.

– Она хорошо готовит? – спросила Лиза.

– Великолепно. А десерты так даже слишком хорошо.

Кухня была большая, с высоким потолком. В центре нее была устроена рабочая зона – гриль и рабочие столы, – по периметру которой на полке из сверкающей нержавеющей стали стояли, лежали и висели кастрюли, сковородки, черпаки, большие ложки и всевозможные приспособления. Шкафы были сделаны из темного дуба, верхняя часть столов покрыта керамической плиткой. В дальнем углу кухни стояли двойная мойка, большая плита, микроволновая печь и холодильник.

Войдя в дверь, Дженни сразу же повернула влево, к секретеру, за которым Хильда составляла меню и списки того, что необходимо будет купить. Именно здесь она должна была оста-

вить им записку. Но никакой записки тут не оказалось, и Дженни уже направилась обратно, когда вдруг услышала потрясенное «ах!» Лизы.

Девочка прошла к дальнему углу центральной рабочей зоны и сейчас стояла возле холодильника, уставившись на что-то, что лежало на полу около мойки. Лицо у нее было мертвенно-бледным, ее всю трясло.

Почувствовав вдруг прилив необъяснимого ужаса, Дженни быстро обогнула центральную часть кухни и подошла к сестре.

На полу на спине лежала Хильда Бек. Она была мертва. Ничего не видящими глазами она уставилась в потолок, а между сведенных судорогой губ был зажат кончик языка, сейчас уже обескровленного и обесцветившегося.

Лиза оторвала взгляд от мертвой женщины, перевела его на Дженни, попыталась что-то сказать, но не смогла произнести ни звука.

Дженни схватила сестру под руку и оттащила ее в противоположную часть кухни, откуда труп не был виден. Там она обняла Лизу.

Лиза тоже обняла ее и прижалась к ней. Крепко. Изо всех сил.

– Как ты себя чувствуешь, малышка?

Лиза ничего не ответила. Ее продолжало трясти.

Всего лишь шесть недель назад, в Ньюпорт-Бич, вернувшись как-то в начале вечера из кино домой, Лиза вот так же обнаружила в кухне на полу свою мать, умершую от обширного кровоизлияния в мозг. Для девочки рухнул сразу весь мир. Она никогда не знала отца, скончавшегося, когда ей было всего два года, и поэтому всегда была необычайно близка с матерью. Утрата глубоко потрясла ее, на какое-то время ввергла в депрессию и вытеснила из ее сознания все остальное. Постепенно, однако, Лиза примирилась со смертью матери, научилась снова улыбаться и смеяться. В последние несколько дней она, кажется, вновь стала самой собой. А теперь вот это.

Дженни отвела девочку к секретеру, усадила ее, а сама присела перед ней на корточки. Она вытянула бумажную салфетку из стоявшей на столе упаковки «Клинекса» и промокнула выступивший у сестры на лбу холодный пот. Лиза была не только мертвенно-бледна, но и холодна как лед.

– Что сделать, сестричка?

– Н-н-ничего, сейчас все пройдет, – дрожащим голосом ответила Лиза.

Они взялись за руки. Хватка Лизы была сильной, почти до боли.

Спустя какое-то время она проговорила:

– Мне показалось... Когда я увидела ее здесь... вот так, на полу... мне показалось... смешно, но показалось... будто это мама. – Глаза у Лизы были полны слез, но она не давала себе расплакаться. – Я з-з-знаю, что мама умерла. И эта женщина на нее даже не похожа. Но это было... так неожиданно... так страшно... я так растерялась.

Они продолжали держать друг друга за руки, и постепенно судорожная хватка Лизы ослабевала.

Через некоторое время Дженни спросила ее:

– Тебе лучше?

– Да. Немного.

– Хочешь прилечь?

– Нет. – Она отпустила руку Дженни, чтобы вытащить новую салфетку, вытерла нос и посмотрела в ту сторону, где лежало тело. – Это Хильда?

– Да, – ответила Дженни.

– Как жалко...

Дженни очень любила Хильду Бек и в глубине души была потрясена ее смертью. Но в этот момент больше всего на свете ее волновала Лиза.

– Сестричка, думаю, будет лучше всего, если ты отсюда уйдешь. Посиди пока в моем кабинете, ладно? А я тем временем осмотрю тело. А потом надо будет вызвать шерифа и коро-
нера.

– Я побуду здесь с тобой.

– Будет лучше, если...

– Нет! – воскликнула Лиза, и ее снова затрясло. – Я не хочу быть одна.

– Ну ладно, – успокаивающим тоном сказала Дженни. – Посиди здесь.

– Господи... – со страхом проговорила Лиза. – Как она выглядит... вся раздувшаяся...
черно-синяя. А какое у нее выражение на лице. – Лиза вытерла глаза тыльной стороной
ладони. – Почему она вся черная и так раздулась?

– Ну, она явно умерла уже несколько дней назад, – ответила Дженни. – Но знаешь что,
тебе сейчас лучше не думать о таких вещах...

– Если она умерла уже несколько дней назад, – дрожащим голосом спросила Лиза, – то
почему же здесь не воняет? Тут ведь должно вонять.

Дженни нахмурилась. Конечно, здесь должно было вонять, если Хильда Бек умерла так
давно, что тело ее успело уже потемнеть и раздуться. Здесь обязательно должно было вонять.
Но никакого запаха не было.

– Дженни, что с ней произошло?

– Я еще не знаю.

– Я боюсь.

– Не бойся. Сейчас уже нечего бояться.

– Какое у нее выражение на лице, – проговорила Лиза. – Просто ужасное.

– Как бы она ни умерла, это должна была быть быстрая смерть. Непохоже, чтобы она
мучилась или с кем-то боролась. И ей, судя по всему, было не очень больно.

– Но... впечатление такое, словно в момент смерти она кричала.

Глава 3

Мертвая женщина

Дженни Пэйдж никогда не видела труп, хотя бы отдаленно похожий на тот, что лежал сейчас перед ее глазами. Ни учеба в колледже, ни ее собственная врачебная практика не подготовили ее к встрече с таким феноменом, какой представляло собой тело Хильды Бек. Дженни опустилась рядом с трупом на корточки и принялась рассматривать его, испытывая одновременно грусть, отвращение и любопытство. И чем дольше она изучала его, тем сильнее становилось ее любопытство и тем быстрее росло изумление.

Лицо мертвой женщины раздулось; круглое, гладкое, даже как будто блестящее, оно напоминало сейчас карикатуру на то, какой была Хильда Бек при жизни. Тело тоже вздулось, туго натянув в некоторых местах швы серо-желтого домашнего платья, в котором она обычно хлопотала по хозяйству. Там, где были видны отдельные участки тела – на шее, на кистях и предплечьях, на икрах ног и коленях, – ткани казались мягкими и внешне естественными для пролежавшего несколько дней трупа. Складывалось впечатление, что это вздутие не было следствием обычного при начинающемся распаде обильного выделения газов. Во-первых, живот должен был быть уже наполнен газом и раздут гораздо сильнее, чем остальные части тела; он, однако, вздулся очень умеренно. А кроме того, отсутствовал характерный трупный запах.

При более близком и внимательном осмотре складывалось также впечатление, что и кожа – темная, покрытая крапинками – стала такой не в результате распада тканей. Дженни не могла обнаружить никаких явных, зримых признаков начавшегося разложения: не было ни повреждений, ни волдырей, ни вскрывшихся гнойников. Признаки физического распада и разложения обычно быстрее всего проявляются на глазах трупа, потому что они состоят из относительно мягких тканей. Но широко раскрытые, смотрящие вверх глаза Хильды Бек были в безупречном состоянии: белки совершенно чистые, не пожелтевшие и не обесцвеченные из-за разрыва кровеносных сосудов, радужка, тоже абсолютно ясная, сохраняла мягкий голубой цвет, на ней не было даже обычной посмертной мутной пленки.

При жизни глаза Хильды всегда лучились добротой и жизнелюбием. Это была седая шестидесятидвулетняя женщина с очень милым и приятным лицом, всем своим обликом и манерами напоминавшая добрую бабушку. Говорила она с легким немецким акцентом, голос у нее был удивительно мягкий и певучий. Прибираясь в доме или готовя что-нибудь на кухне, она часто напевала; и она умела находить радость и удовольствие в самых простых вещах.

Дженни почувствовала вдруг острый приступ горя и скорби и поняла, как будет ей не хватать Хильды. Она закрыла глаза и посидела так некоторое время, не в силах смотреть на труп. Потом взяла себя в руки, подавила уже готовые были пролиться слезы. Наконец, восстановив в себе способность к профессиональной отстраненности, она открыла глаза и продолжила осмотр.

Чем дольше смотрела она на тело, тем больше складывалось у нее впечатление, будто вся кожа трупа покрыта синяками и кровоподтеками. Об этом свидетельствовал цвет кожи: местами она была черная, местами синяя или темно-желтая, причем цвета эти переходили один в другой. Но и таких ушибов Дженни тоже не доводилось видеть. Насколько она могла судить, ушиблено было все тело; не оставалось ни одного участка кожи, на котором не было бы синяков. Дженни осторожно взялась за рукав платья и подняла его вдоль вздувшейся руки настолько, насколько это удалось. Но и под руками поверхность кожи была точно такой же, и Дженни стала подозревать, что, видимо, все тело представляло собой один невообразимый синяк.

Она еще раз посмотрела на лицо миссис Бек. И здесь тоже вся поверхность кожи была в кровоподтеках. Бывает, жертвы серьезных автомобильных катастроф получают такие повре-

ждения, в результате которых у них тоже почти все лицо оказывается сплошным кровоподтеком; но это всегда сопровождается более тяжелыми травмами – переломами носа, челюсти, разрывом губ... Как же получилось, что при столь страшных синяках у миссис Бек нет никаких других, более серьезных ранений?

– Дженни? – окликнула ее Лиза. – Почему ты так долго?

– Я уже скоро. Посиди пока там.

Тогда... возможно, ушибы, покрывающие тело миссис Бек, не были результатом каких-то внешних ударов? Могло ли получиться так, что этот страшный цвет кожи был вызван не ушибами, а давлением внутри тела, отеком подкожных тканей? В конце концов, такой отек очевиден. Однако, чтобы вызвать подобные синяки, он должен был произойти мгновенно и с огромной силой. Но черт возьми, это же невозможно! Живая ткань не может вспухнуть с такой скоростью. Конечно, при некоторых аллергиях бывает быстрый отек, это их симптом; самый тяжелый отек такого рода бывает при сильной аллергической реакции на пенициллин. Дженни не знала ничего, что могло бы вызвать столь внезапный и мощный отек тканей, результатом которого стало бы превращение всего тела в один огромный, ужасающий синяк.

И даже если тот отек, который она видела, не был обычным, простым, классическим посмертным вздутием – а Дженни была уверена, что он им не был, – и если он был причиной синяков и кровоподтеков, то что же, о господи, могло послужить причиной самого этого отека? Аллергическую реакцию Дженни исключала.

Если причиной был яд, то наверняка какой-то очень экзотический. Но каким образом столь необычный яд мог попасть к Хильде? Врагов у нее не было. Сама мысль о том, что кто-то захочет ее убить, казалась абсурдом. И если ребенок еще мог бы потащить что-то незнакомое в рот, чтобы попробовать его на вкус, то Хильда подобной глупости наверняка бы не сделала. Нет, это был не яд.

Болезнь?

Но если это действительно была болезнь, бактериальная или вирусная, то она была совершенно не похожа на все то, чему учили Дженни. А что, если она окажется заразной?

– Дженни! – позвала Лиза.

Болезнь.

Испытывая чувство облегчения оттого, что она не прикасалась непосредственно к телу, и запоздало сожалея о том, что все-таки дотронулась до рукава платья, Дженни тяжело поднялась, покачнувшись на слегка затекших ногах и, сохраняя равновесие, отступила на шаг от трупа.

По всему ее телу пробежали холодные мурашки.

Только сейчас она обратила внимание на то, что лежало на разделочной доске рядом с мойкой. Там были четыре крупные картофелины, кочан капусты, несколько морковок, нож для очистки овощей и длинный нож для резки. В тот момент, когда ее настигла смерть, Хильда была занята готовкой. Все произошло внезапно. Бах! – и конец. Совершенно очевидно, что она не была больна и вообще не предчувствовала ничего подобного. Ежу ясно, что болезнь не могла быть причиной столь внезапной смерти.

Какая болезнь приводит к смерти без того, чтобы предварительно пройти через стадии заражения, плохого самочувствия, постепенного упадка сил и физического увядания? Никакая. Ни одна из тех, что известны современной медицине.

– Дженни, давай уйдем отсюда, – попросила Лиза.

– Тихо! погоди минутку. Дай мне подумать, – ответила Дженни, облачиваясь на стол и продолжая рассматривать мертвую женщину.

Где-то в глубине сознания у Дженни шевелилась еще не определившаяся, но уже пугающая мысль: чума. Бубонная и некоторые другие разновидности чумы иногда встречались в Калифорнии и на Юго-Западе. За последние годы было около полудюжины сообщений о таких случаях. Теперь, однако, редко кто умирал от чумы: она излечивалась стрептомицином,

хлорамфениколом или любым из тетрациклинов. Для некоторых разновидностей чумы характерно появление сыпи: маленьких красных зудящих точек на коже. При очень тяжелых формах болезни сыпь бывает почти черной и распространяется чуть ли не по всему телу: во времена Средневековья эту болезнь так и называли – «черная смерть». Но может ли сыпь выступить в таком количестве, чтобы все тело почернело полностью, как у Хильды?

А кроме того, Хильда умерла внезапно, в тот момент, когда занималась готовкой; у нее не было ни рвоты, ни лихорадки, ни недержания, а это исключало чуму. Это исключало вообще любую из известных инфекционных болезней.

Но не было и никаких явных признаков того, что на Хильду Бек было совершено нападение. Ни кровоточащих огнестрельных ран. Ни ран от холодного оружия. Никаких признаков того, что экономку забили насмерть или задушили.

Дженни обошла вокруг тела и подошла к мойке. Она дотронулась до капусты и с удивлением обнаружила, что кочан еще холодный. Он пролежал на разделочной доске не больше часа.

Отвернувшись от стола, Дженни снова посмотрела на тело Хильды, но теперь уже с ужасом.

Эта женщина умерла не больше часа назад. Если дотронуться до ее тела, то оно еще, наверное, теплое.

Но что же ее убило?

Сейчас Дженни оказалась не ближе к ответу, чем тогда, когда только начинала осмотр. И хотя болезнь вряд ли могла быть причиной этой смерти, полностью исключить такую возможность Дженни не могла. Мысль, что это окажется нечто очень заразное, пугала ее.

Стараясь не показать своей озабоченности Лизе, Дженни проговорила:

– Пойдем, голубушка. Я позвоню из своего кабинета.

– Ничего, мне уже лучше, – ответила Лиза, но сразу же поднялась, явно желая как можно быстрее уйти из кухни.

Дженни обняла сестру, и они вышли.

Во всем доме стояла какая-то неземная тишина. Она была столь глубокой, что даже шорох шагов сестер по ковру по контрасту с ней представлялся громом.

Кабинет Дженни, хотя его и освещали установленные на потолке люминесцентные лампы, оказался вовсе не таким холодным и обезличенным, какие предпочитают большинство современных врачей. Наоборот, он был выдержан в старомодном стиле кабинета сельского доктора и как будто сошел с картин Нормана Роквелла, репродукции с которых печатает «Сэтердей ивнинг пост». Книжные полки были до отказа забиты литературой и медицинскими журналами. Вдоль стен стояли шесть старинных деревянных шкафов для историй болезни; в свое время Дженни удалось купить их на аукционе по очень сходной цене. На стенах были развешены ее дипломы, анатомические схемы и две большие акварели с видами Сноуфилда. Рядом с закрытым шкафом для лекарств стояли аптекарские весы, около них, на небольшом столике, – коробка с дешевыми игрушками – маленькими пластмассовыми машинками, солдатиками, куколками – и с жевательной резинкой без сахара; все это раздавали в качестве награды, а иногда и взятки тем детям, которые не ревели во время осмотра.

Главной вещью в кабинете был громоздкий, темный, местами поцарапанный сосновый письменный стол. Дженни подвела сюда Лизу и усадила ее в стоявшее возле стола большое кожаное кресло.

– Извини меня, – сказала девочка.

– Извинить? – удивилась Дженни, садясь на край стола и придвигая к себе телефон.

– Извини, что я расклеилась. Но когда я увидела... это тело... я... ну... со мной приключилась истерика.

– Никакой истерики у тебя не было. Ты просто потрясена и испугана, что совершенно естественно.

– Но ты же не была ни потрясена, ни испугана.

– Я была, – сказала Дженни, – и не просто потрясена – ошеломлена.

– Но ты ведь не перепугалась так, как я.

– Перепугалась. Я и сейчас еще боюсь. – Немного поколебавшись, Дженни решила, что не должна все-таки скрывать от сестры истину, и рассказала ей о возможности заражения чем-то неизвестным. – Я не думаю, что это и вправду какая-то болезнь. Но я могу и ошибаться. А если я ошибаюсь...

Девочка смотрела на Дженни широко раскрытыми от удивления глазами.

– Ты перепугалась так же, как я, но ты просидела там столько времени, осматривая тело! Господи, я бы так не могла. Только не я. Никогда.

– Ну, голубушка, я же врач. Меня ведь этому учили.

– Все равно...

– Ни капельки ты не расклеилась, – заверила ее Дженни.

Лиза согласно кивнула, но было видно, что слова сестры не убедили ее.

Дженни подняла трубку телефона, намереваясь позвонить вначале в полицейский участок Сноуфилда, а потом коронеру в Санта-Миру, главный город их округа. Гудка не было, в трубке слышался только слабый свистящий шорох. Она постучала по рычагу, но линия по-прежнему молчала.

В том, что телефон вышел из строя именно тогда, когда на кухне лежала мертвая женщина, было нечто зловещее. В конце концов, возможно, что миссис Бек действительно убили. Если кто-то перерезал телефонную линию, пробрался в дом, если он тихо и осторожно подкрался к Хильде... ну... он мог бы ударить ее в спину длинным ножом, который вошел бы достаточно глубоко, попал ей в сердце, и тогда наступила бы мгновенная смерть. В этом случае рана оказалась бы не видна, если только не перевернуть труп со спины на живот. Но тогда неясно, почему совсем нет крови. Неясно, почему опухли внутренние ткани и откуда взялся этот сплошной кровоподтек. Но все-таки на спине у экономки могла быть рана, а поскольку она умерла не больше часа тому назад, то вполне возможно, что убийца – если это действительно убийца – еще находится где-нибудь здесь, в доме.

«Кажется, у меня просто разыгрывается воображение», – подумала Дженни.

Но все же она решила, что ей и Лизе лучше всего сейчас же уйти из дома.

– Придется сходить к соседям, к Винсу и Энджи Сантини, и попросить разрешения позвонить от них, – спокойно сказала Дженни, поднимаясь с краешка стола. – Наш телефон не работает.

Лиза удивленно заморгала:

– А это как-нибудь связано с тем... с тем, что произошло?

– Не знаю, – ответила Дженни.

Она направилась к полуприкрытой двери кабинета, сердце ее при этом колотилось вовсю: она думала о том, не притаился ли кто-нибудь по другую сторону двери.

– Но если телефон испортился именно сейчас... это ведь несколько странно? – проговорила Лиза, идя вслед за Дженни.

– Пожалуй.

Дженни почти ожидала увидеть за дверью какого-нибудь высоченного незнакомца с ножом и со зловещей ухмылкой на лице. Одного из тех ненормальных, которых в наше время, кажется, развелось в изобилии. Какого-нибудь очередного Джека Потрошителя, чьи кровавые дела заполняют программы телевизионных новостей.

Прежде чем рискнуть выйти в холл, она выглянула туда, готовая отпрыгнуть назад и захлопнуть дверь, если кого-нибудь увидит. Но там никого не было.

Взглянув краем глаза на Лизу, Дженни увидела, что девочка все поняла.

Они быстро прошли через холл к входной двери. Когда они поравнялись с лестницей, ведущей на второй этаж, нервы Дженни были напряжены до предела. Убийца – а он вряд ли на самом деле существует, отчаянно успокаивала она себя, – мог притаиться на лестнице, и тогда ему были бы хорошо слышны их шаги. Он мог броситься на них сверху, сзади, когда они проходили мимо него к двери. Броситься, высоко подняв руку с зажатым в ней ножом...

Но на лестнице никто их не подкарауливал.

И в холле тоже. И на крыльце.

На улице уже сгустились сумерки, быстро переходившие в ночь. Свет солнца еще был багряным, но отовсюду, откуда оно уже ушло, из десятков тысяч укромных местечек протянулись тени, похожие на целую армию зомби. Через десять минут станет совсем темно.

Глава 4

В доме соседей

Дом супругов Сантини, из камня и калифорнийской секвойи, был построен по более современному проекту, чем дом Дженни. Все углы в нем были закруглены, поверхностей, пересекающихся под острым углом, не было вовсе. Он стоял на фоне высоких сосен, словно вырастая из каменистого грунта и вписываясь своими очертаниями в склон горы, и впечатление было такое, будто этот дом не построен, но возник здесь каким-то естественным образом. В нескольких комнатах первого этажа горел свет.

Входная дверь была приоткрыта. Из дома доносилась классическая музыка.

Дженни позвонила и отошла на несколько шагов от двери, туда, где стояла Лиза. Она считала, что им не следует подходить слишком близко к супругам Сантини: вполне возможно, что они уже заразились чем-то, просто побывав в той самой кухне, где лежит труп миссис Бек.

– Лучших соседей и пожелать невозможно, – сказала она Лизе, мечтая, чтобы рассосался и исчез тот твердый и холодный комок, который она ощущала внутри себя. – Прекрасные люди.

На их звонок никто не вышел.

Дженни подошла к двери, снова нажала кнопку звонка и отступила назад к Лизе.

– У них в городе два магазина: сувениров и лыжных принадлежностей.

Музыка играла, то немного затихая, то становясь громче. Это был Бетховен.

– Наверное, никого нет дома, – проговорила Лиза.

– Кто-то там должен быть. Музыка, свет горит...

Внезапный и резкий порыв ветра вдруг закрутился вихрем под крышей крыльца, и порожденные им звуки слились с нотами Бетховена, превратив прекрасную музыку в неприятный дисгармоничный шум.

Дженни распахнула дверь до отказа. Молочный люминесцентный свет лился через открытую дверь кабинета в холл с дубовыми паркетными полами и освещал небольшое пространство возле двери гостиной, все остальное было погружено во мрак.

– Энджи? Винс? – позвала Дженни.

Никакого ответа.

Только Бетховен. Ветер стих, и разрушенная было музыка снова возродилась в наступившей тишине. Третья симфония, «Героическая».

– Эй? Дома кто-нибудь?

Прозвучали заключительные аккорды симфонии, и, когда стих последний звук, музыка прекратилась. Стереопроигрыватель явно выключился сам.

– Эй?

Ничего. Ночь за спиной у сестер хранила полное молчание, и дом перед ними молчал тоже.

– Ты туда не пойдешь? – обеспокоенно спросила Лиза.

Дженни посмотрела на девочку:

– А в чем дело?

Лиза прикусила губу:

– Что-то здесь не так. Ты ведь и сама это чувствуешь.

Немного поколебавшись, Дженни неохотно призналась:

– Да. Чувствую.

– Такое ощущение... словно мы здесь одни... только ты и я... и в то же время... не одни.

У Дженни действительно было очень странное чувство, что за ними наблюдают. Она обернулась и внимательным, изучающим взглядом обвела лужайку и кусты, уже почти полностью погруженные во тьму. Потом посмотрела на окна. Свет горел только в кабинете, все

остальные окна были закрыты и темны, их стекла слегка поблескивали. В темноте, за этими стеклами, мог скрываться кто угодно. И если он там действительно был, то ему все было видно прекрасно, сам же он оставался невидимым.

– Пойдем, пожалуйста, – сказала Лиза. – Пойдем, позовем полицию или еще кого-нибудь. Ну пойдем же! Пожалуйста.

Дженни отрицательно покачала головой:

– Мы с тобой просто перевозбуждены. И у нас разыгралось воображение. Мне нужно зайти посмотреть, вдруг там кто-нибудь ранен – Энджи, Винс или кто-нибудь из ребят...

– Не надо! – Лиза схватила Дженни за руку, пытаясь ее не пустить.

– Я врач. Я обязана помочь.

– Но если ты подхватила от миссис Бек микроб или что-нибудь еще, ты можешь их всех заразить. Ты же сама так сказала.

– А что, если они умирают сейчас от того же, от чего умерла Хильда? Что тогда? Может быть, им нужна медицинская помощь.

– Мне кажется, что это не болезнь, – мрачно сказала Лиза, выражая вслух мысли и самой Дженни. – Это нечто худшее.

– Что может быть хуже?

– Не знаю. Но... я это чувствую. Нечто гораздо худшее.

Снова поднялся ветер и зашумел в кустах возле крыльца.

– Ну ладно, – сказала Дженни. – Ты подожди здесь, а я пойду и взгляну на...

– Нет, – мгновенно возразила Лиза. – Если ты пойдешь, то и я с тобой.

– Голубушка, не считай, что ты расклеиваешься, если ты...

– Я с тобой, – повторила девочка, отпуская руку Дженни.

– Пошли.

Они вошли в дом.

Остановившись в холле, Дженни посмотрела через открытую дверь влево.

– Винс?

Две лампы освещали теплым золотистым светом каждый уголок в кабинете Винса Сантини, но в комнате никого не было.

– Энджи? Винс? Есть тут кто-нибудь?

Ни один звук не нарушал сверхъестественную тишину, однако сама темнота казалась какой-то настороженной, присматривающейся, выжидающей – словно она была громадным притаившимся зверем.

Гостиная справа от Дженни была погружена в непроницаемый мрак. С противоположной стороны гостиной узкие полоски света проникали сквозь щели неплотно прикрытых дверей, ведущих в другие комнаты, но этот слабый свет не мог рассеять глубокую темноту, царившую по эту сторону дверей.

Дженни нащупала на стене выключатель и включила свет. Гостиная была пуста.

– Вот видишь, – сказала Лиза, – никого нет дома.

– Пойдем посмотрим в столовой.

Они пересекли гостиную, обставленную удобными бежевыми диванами и элегантными изумрудно-зелеными креслами в стиле королевы Анны, с широкими, напоминающими крылья подлокотниками. В углу, возле стены, не бросаясь в глаза, стоял музыкальный центр с проигрывателем и магнитофоном. Отсюда-то и доносилась музыка, которую они слышали: хозяева ушли, оставив стереосистему включенной.

Дженни открыла двойные двери, ведущие в столовую, – они слегка скрипнули.

В столовой тоже никого не было, однако горела люстра, освещающая необычную сцену. Стол был накрыт к раннему воскресному ужину: лежали четыре большие салфетки, на которых стояли четыре большие неглубокие тарелки. Рядом с ними стояли четыре тарелки поменьше, для

салата; три из них были абсолютно чистые и блестящие, на четвертой лежала порция салата. Около каждого прибора лежали металлические нож и вилка; стояли четыре стакана – два из них были наполнены молоком, один водой, а в четвертом была жидкость янтарного цвета, по-видимому яблочный сок. В воде и соке плавали лишь чуть-чуть подтаявшие кубики льда. В центре стола стояло то, что было приготовлено на ужин: большая миска с салатом, блюдо с окороком, керамический горшок с запеченным в нем картофелем и большое блюдо с морковью и зеленым горошком. За исключением миски с салатом, все остальные блюда были не тронуты. Окорок уже остыл. Запеченная сырная корочка поверх картофеля была цела, и когда Дженни приложила к горшку руку, то почувствовала, что он еще хранит тепло. Все эти блюда поставили на стол не больше часа тому назад; возможно, даже не больше получаса.

– Похоже, они все уходили отсюда в дикой спешке, – сказала Лиза.

– Такое впечатление, что их забрали вопреки их воле, – проговорила, нахмурившись, Дженни.

Некоторые детали обращали на себя внимание. Например, опрокинутый стул. Он лежал на боку, в нескольких футах от стола. Другие стулья стояли совершенно нормально, но на полу возле одного из них лежали большая раздаточная ложка и двузубая вилка для мяса. На полу в углу комнаты валялась смятая в комок салфетка, причем впечатление было такое, что ее не просто уронили, но отшвырнули в сторону. На самом столе была опрокинута солонка.

Все это были мелочи. Ничего особенного. И ничего определенного.

Тем не менее Дженни испытывала беспокойство.

– Забрали вопреки их воле? – удивленно переспросила Лиза.

– Возможно. – Дженни по-прежнему говорила тихо, как и ее сестра. У нее все еще было неприятное ощущение, что рядом с ними постоянно кто-то есть, что он прячется, наблюдая за ними или по меньшей мере подслушивая.

«Ты становишься параноиком», – предупредила она себя.

– Никогда не слышала о том, чтобы похищали сразу целую семью, – сказала Лиза.

– Н-ну... может быть, я не права. Возможно, кто-то из детей внезапно почувствовал себя плохо и они все уехали в Санта-Миру, в больницу. Или что-нибудь еще в этом роде.

Лиза еще раз внимательно осмотрела комнату, прислушалась к стоявшей в доме могильной тишине и почесала голову.

– Нет, я так не думаю.

– Да и я тоже так не думаю, – призналась Дженни.

Лиза медленно обошла вокруг стола, внимательно разглядывая его, словно ожидала найти где-нибудь оставленное семейством Сантини секретное послание. Страх, который она испытывала раньше, теперь явно уступал место любопытству.

– А знаешь, – проговорила она, – мне все это немного напоминает те странные вещи, о которых я читала в одной книжке. Кажется, она называлась «Бермудский треугольник» или что-то в этом роде. Там говорилось о большом парусном судне «Мария Селеста»... Это было в тысяча восемьсот семидесятом году или около того... Так вот, «Марию Селесту» обнаружили, когда она дрейфовала в Атлантике, и там тоже стол был накрыт к обеду, но вся команда исчезла. Судно не было повреждено штормом, в нем не было течи или каких-либо других неисправностей. У команды явно не было никаких причин покинуть судно. А кроме того, все спасательные шлюпки были на борту. Горели сигнальные фонари, были подняты паруса, и стол, как я уже сказала, был накрыт. В общем, все было так, как должно было быть, но только все люди с корабля, до последнего человека, куда-то исчезли. Это одна из самых великих морских загадок.

– Ну, я уверена, что в этом-то случае никаких загадок нет, – возразила Дженни, но как-то неуверенно. – Не сгинули же Сантини навечно!

Обойдя половину стола, Лиза вдруг остановилась, глаза у нее широко раскрылись и заморгали.

– А если их и вправду забрали отсюда против воли, это может быть как-то связано со смертью твоей экономки?

– Возможно. Мы пока слишком мало знаем, чтобы что-нибудь утверждать.

Еще более тихим голосом, чем раньше, Лиза спросила:

– А тебе не кажется, что нам надо было бы найти пистолет или что-либо еще, что стреляет?

– Да нет! – Дженни снова посмотрела на остывающую еду, на рассыпанную соль, на перевернутый стул и отвернулась от стола. – Пойдем, дорогая.

– Куда?

– Посмотрим, работает ли телефон.

Они прошли через дверь, соединявшую столовую с кухней, и Дженни зажгла свет.

Телефон висел на стене около мойки. Дженни подняла трубку, послушала, постучала по рычагу, но гудка не было.

На этот раз, однако, линия не была совсем мертвой, как в ее собственном телефоне. Здесь были слышны легкий свист и шипение, и казалось, что соединение есть, отсутствовал только гудок. Внизу под телефоном была приклеена бумажка с номерами пожарной части и шерифа, однако линия не соединяла.

Дженни уже собиралась было повесить трубку, как вдруг ей показалось, что кто-то на другом конце линии слушает ее.

– Алло? – сказала она в трубку.

Но там раздавалось только отдаленное шипение, чем-то похожее на то, как шипит яичница на сковороде.

– Алло? – повторила она.

Тот же самый отдаленный звук; его еще называют «белым шумом».

Дженни постаралась убедить себя в том, что звук, который она слышит, – это всего лишь обычный звук молчащей телефонной линии. И все-таки ей продолжало казаться, что кто-то вслушивается на другом конце линии в ее молчание точно так же, как она.

Чепуха какая-то.

Чепуха или нет, но по спине у нее побежали мурашки, и Дженни поспешно положила трубку.

– В таком маленьком городке полицейский участок должен быть где-нибудь недалеко, – то ли спросила, то ли сказала Лиза.

– В двух кварталах отсюда.

– Почему бы нам туда не сходить?

Дженни намеревалась вначале осмотреть весь дом, чтобы убедиться, что члены семьи Сантини не лежат в других комнатах больные или раненые. Но теперь она задумалась: если кто-то действительно подслушивал ее по телефону, он вполне мог слушать по параллельной трубке, находящейся где-то в этом же доме. Такая возможность в корне меняла положение. К своим обязанностям врача она относилась очень серьезно. Ей даже нравилась та особая ответственность, с которой была связана ее работа, потому что она принадлежала к числу людей, нуждающихся в постоянном применении своего ума, знаний и способностей. Трудная задача всегда поднимала ей настроение и жизненный тонус. Но сейчас она несла ответственность прежде всего за Лизу, да и за саму себя. Пожалуй, лучше всего будет сходить в полицейский участок, привести сюда Пола Хендерсона, а уже потом вместе с ним осмотреть весь дом полностью.

Хоть она и продолжала убеждать себя в том, что у нее просто разгулялось воображение, но она все еще чувствовала на себе чей-то внимательный взгляд: кто-то наблюдал... и выжидал.

– Давай сходим, – сказала она Лизе. – Пошли.

С явным облегчением девочка первой устремилась назад, через столовую и гостиную, к входной двери.

На город уже опустилась ночь. Стало еще прохладнее, чем было в сумерки, а скоро станет просто холодно – температура может упасть до семи-деяти градусов мороза: напоминание о том, что осень в горах Сьерры проходит очень быстро и что зиме не терпится вступить в свои права.

Вдоль Скайлайн-роуд автоматически зажглись уличные фонари. В окнах и витринах некоторых магазинов тоже заработало ночное освещение: его включали фотоэлементы, чувствительные к наступлению темноты на улице.

Выйдя на тротуар перед домом Сантини, Дженни и Лиза остановились, пораженные открывшейся их взору картиной.

Идущий террасами вниз по склону горы городок с его то островерхими, то плоскими крышами был сейчас, ночью, еще более красив, чем в сумерки. Из нескольких труб поднимался вверх дым, похожий на размытые привидения. В некоторых окнах ярко горел свет. Большинство же окон были темны и, будто черные зеркала, отражали лучи света, что падали на них от уличных фонарей. Под легкими дуновениями ветра деревья слегка колыхались в ритме колыбельной песни, и возникающий при этом шелест напоминал легкие вздохи и тихое сонное бормотание мирно посапывающих во сне детей.

Но внимание к себе приковывала не эта красота. Полная, абсолютная тишина и неподвижность – вот что заставило Дженни остановиться. Когда они только приехали сегодня в городок, ей эта тишина и неподвижность показались странными. Теперь они казались ей зловещими.

– Полицейский участок на главной улице, – сказала она Лизе. – В двух с половиной кварталах отсюда.

Они торопливо зашагали в центр Сноуфилда, не подающего никаких признаков жизни.

Глава 5

Три пули

В погруженном во мрак здании полицейского участка горела единственная люминесцентная лампа, но раздвижная штанга, на которой она держалась, круто изгибалась вниз, так что свет падал только на крышку письменного стола, оставляя почти всю остальную часть большой комнаты в темноте. Прямо под лучом яркого белого света, поверх книги регистрации происшествий, лежал раскрытый журнал. И если не считать проникавшего через окно слабого отблеска уличных фонарей, в участке была полная темнота.

Дженни открыла дверь и прошла внутрь. За ней вошла и Лиза, стараясь держаться поближе к сестре.

– Эй? Пол? Ты здесь?

Дженни нащупала на стене выключатель, нажала кнопку, включая верхний свет, – и моментально отпрянула назад, увидев то, что лежало прямо перед ней на полу.

Пол Хендерсон. Потемневшая, покрытая синяками и кровоподтеками кожа. Весь опухший. Мертвый.

– О господи! – воскликнула Лиза, быстро отворачиваясь. Пошатываясь, она вернулась к входной двери, оперлась о косяк и стала жадно, большими глотками вдыхать холодный ночной воздух.

Сделав над собой огромное усилие, Дженни подавила начавший было подниматься в ней животный страх и подошла к Лизе. Положив руку на хрупкое плечо сестры, она спросила:

– Как ты себя чувствуешь? Тебя не тошнит?

Казалось, Лиза с трудом сдерживала позывы к рвоте. Наконец она справилась с собой и отрицательно покачала головой.

– Н-нет. Не тошнит. Сейчас все будет хорошо. П-пойдем отсюда.

– Подожди минутку, – сказала Дженни. – Мне хочется сперва взглянуть на тело.

– Быть не может, чтобы тебе этого действительно хотелось.

– Ты права. Мне не хочется, но, может быть, я сумею понять, с чем мы тут имеем дело. Постой пока здесь, в дверях.

Дженни вернулась к расprostертому на полу труп и опустилась возле него на колени.

Пол Хендерсон был точно в таком же состоянии, в каком она нашла Хильду Бек. Насколько она могла видеть, каждый квадратный дюйм его кожи представлял собой сплошной кровоподтек. Все тело опухло; лицо было отекшее и искаженное; шея стала толстой, сравнявшись почти с головой; раздувшиеся пальцы рук напоминали сардельки; живот тоже вздулся. Однако Дженни не чувствовала даже самого слабого трупного запаха.

Невидящие вытаращенные глаза особенно выделялись на фоне побагровевшего, испещренного крапинками лица. Эти глаза в сочетании с широко открытым и перекошенным ртом ясно передавали то чувство, которое испытал погибший перед самой смертью: страх. Как и Хильда, Пол Хендерсон, по-видимому, умер внезапно – но ощутив перед этим приступ сильнейшего, непередаваемого ужаса.

Дженни не относилась к числу близких людей покойного. Она его, конечно же, знала, потому что в таком маленьком городке, как Сноуфилд, все друг друга знают. Он был хорошим полицейским и казался ей приятным человеком. Ей было очень жаль, что его постигла такая страшная участь. Она смотрела в его искаженное лицо и чувствовала, как комок в горле от горя и сострадания становится все больше, заполняя ее тело почти физической болью. Не выдержав, она отвернулась.

Револьвер Хендерсона был не в кобуре. Он лежал на полу, рядом с телом. Это был револьвер сорок пятого калибра.

Она пристально смотрела на револьвер, стараясь понять, что же все это означает. Возможно, он просто выскользнул из кобуры, когда полицейский упал на пол. Возможно. Но она сомневалась в том, что это было действительно так. Самым очевидным и естественным представлялся ей другой вывод: Хендерсон вытащил револьвер из кобуры сам, чтобы защититься от нападения.

Но тогда, значит, его сразили не яд и не болезнь.

Дженни оглянулась. Лиза все еще стояла возле открытой двери, опираясь о косяк и уставившись на Скайлайн-роуд.

Поднявшись с колен, Дженни отвернулась от трупа и, присев на корточки около револьвера, некоторое время внимательно разглядывала его, пытаясь решить, стоит его трогать или нет. Теперь ее уже не так тревожила возможность заразиться, как при осмотре трупа миссис Бек. Происходящее все меньше и меньше напоминало ей чуму или какую-нибудь иную болезнь. А кроме того, если Сноуфилд и вправду поразила какая-то необычная, экзотическая эпидемия, столь сильная и страшная, то к этому времени Дженни уже наверняка заразилась. Стало быть, она ничего не потеряет, если возьмет револьвер в руки и осмотрит его более внимательно. Больше всего ее сейчас волновало, не сотрет ли она при этом отпечатки пальцев преступника, не уничтожит ли какие-нибудь другие важные улики.

Но даже если сам Хендерсон на самом деле был убит кем-то, маловероятно, чтобы убийца воспользовался для этого оружием своей жертвы и для удобства следствия оставил на нем свои отпечатки. А кроме того, непохоже, чтобы Пола застрелили. Если здесь кто и стрелял, то, скорее всего, это был сам Пол.

Она подняла револьвер и внимательно осмотрела его. Он был рассчитан на шесть патронов, но три гнезда в барабане были пустыми. Резкий запах сторевавшего пороха подсказал ей, что из револьвера стреляли совсем недавно – сегодня, возможно даже в течение последнего часа.

Она поднялась и, держа револьвер в руке, прошла по комнате, внимательно рассматривая выложенный голубой керамической плиткой пол. Ее взгляд остановился на характерном желтом металлическом блеске: одна гильза, другая, третья. Три стреляные гильзы от использованных патронов.

Ни один из выстрелов не был направлен вниз или в пол. Все начищенные до блеска голубые плитки были невредимы.

Через открывающуюся в обе стороны дверцу в деревянной загородке Дженни прошла в ту часть комнаты, которую полицейские в телевизионных фильмах обычно называют «стойлом». Она двинулась по проходу мимо письменных столов, стоящих друг против друга, и шкафов с документами. Дойдя до центра комнаты, она остановилась и медленно обвела взглядом светло-зеленые стены и белый, сделанный из звукопоглощающего материала потолок, стараясь отыскать следы пуль. Но следов не было видно.

Это удивило ее. Если стреляли не в пол и не в окна – явно не в окна, потому что все стекла были целы, – то ствол должны были направить куда-то в комнату, на уровне пояса или выше. Так куда же пошли пули? Не было видно ни повреждений мебели, ни расщепленного дерева, ни пробитых стальных стенок в сейфах, ни отбитой штукатурки. А Дженни отлично знала, что пуля такого калибра при ударе обо что-нибудь вызывает значительные повреждения.

Если пуль не было нигде в комнате, то оставалось только одно: они должны были попасть в того человека или в тех людей, в которых целился Пол Хендерсон.

Но если бы полицейский ранил нападавшего – или даже двоих или троих – тремя выстрелами из своего служебного револьвера такого большого калибра, причем ранил так, что пули застряли в теле, а не прошли насквозь, то в комнате должны были остаться лужи крови. Но крови не было ни капли.

Озадаченная и сбита с толку, Дженни вернулась к столу, где люминесцентная лампа на раздвижном штативе по-прежнему освещала открытый номер «Тайм». Здесь же лежал брон-

зовый полицейский знак, на котором стояло имя владельца: «СЕРЖАНТ ПОЛ ДЖ. ХЕНДЕРСОН». Вот здесь он и сидел, когда случилось... то, что случилось.

На этот раз уже твердо уверенная в том, что она услышит, Дженни сняла трубку стоявшего на столе телефона. Никакого гудка. Только свистящий электронный шум на линии, чем-то похожий на свист крыльев насекомых.

Как и тогда, в доме Сантини, ей показалось, что на линии она не одна.

Она бросила трубку – поспешно и очень резко.

Руки у нее дрожали.

На противоположной стене комнаты висели две доски для объявлений, около стены стояли фотокопировальное устройство, запертый сейф с оружием, полицейская радиостанция и телетайп. Дженни не знала, как пользоваться телетайпом. К тому же он молчал и казался неисправным. Но и радиостанция тоже не хотела работать. Она была явно включена, но лампочка индикатора не загоралась, динамик и микрофон не действовали. По-видимому, тот, кто убил полицейского, заодно вывел из строя телетайп и радиостанцию.

Повернувшись, чтобы выйти из «стойла», Дженни вдруг увидела, что Лизы в дверях нет. Сердце у нее упало, но тут она обнаружила, что Лиза присела рядом с телом Пола Хендерсона и внимательно разглядывает его.

Когда Дженни вышла из-за загородки, Лиза подняла голову и, показывая на сильно раздувшийся труп, сказала:

– Никогда не думала, что кожа может так растягиваться и не рваться. – Своим тоном и позой она старательно изображала хладнокровный научный интерес, отстраненность наблюдателя, наигранное равнодушие к ужасу всей этой сцены. Но глаза, мечущиеся из стороны в сторону, выдавали ее. Делая вид, будто ей все нипочем, Лиза поднялась и отвернулась от мертвого полицейского.

– Голубушка, почему ты не подождала у двери?

– Мне стало стыдно, что я такая трусиха.

– Послушай, сестричка, я же тебе говорила...

– Я хочу сказать, я действительно боюсь, что с нами что-нибудь случится здесь, в Сноуфилде. Что-нибудь очень плохое и прямо сегодня, в любую минуту. Возможно, что-то действительно ужасное. Но мне за мой страх не стыдно, потому что он ведь совершенно естественный... после всего, что мы сегодня здесь увидели. А вот что я испугалась мертвого полицейского – это уже совсем по-детски.

Лиза замолчала, но и Дженни не проговорила ни слова. Девочке явно необходимо было выговориться, и она сказала еще далеко не все, что у нее накопилось.

– Он ведь мертвый. Он не может причинить мне никакого вреда. Его нечего бояться. Нельзя поддаваться иррациональным страхам. Это глупо, неправильно, и это проявление слабости. Человек должен уметь противостоять таким страхам. – Лиза говорила так, словно убеждала кого-то. – С ними можно справиться, только если противостоять им. Вот я и решила противостоять этому. – Кивком она показала на лежащий у ее ног труп.

«Какое у нее страдание в глазах», – подумала Дженни.

Дело было не только во всем том, что обрушилось на девочку в Сноуфилде. Она еще очень хорошо помнила тот солнечный, жаркий июльский день, когда, придя домой, обнаружила свою мать умершей от удара. И сегодняшние события заставили ее вспомнить это и заново пережить все, что было пережито тогда. Заставили резко, внезапно, грубо.

– Я уже в порядке, – сказала Лиза. – Я все еще боюсь того, что может случиться с нами. Но я уже не боюсь его. – Она глянула вниз, на труп, как бы доказывая верность сказанного, но тут же подняла взгляд и посмотрела прямо в глаза Дженни.

– Видишь? Ты уже можешь на меня положиться. Больше я не расклеюсь.

Дженни вдруг впервые осознала, что стала для Лизы примером. Выражением глаз и лица, тоном, жестами Лиза уже бессчетное количество раз, сама не сознавая того, высказала свое уважение к Дженни и восхищение ею; уважение и восхищение гораздо большие, чем сама Дженни могла бы предположить. Не прибегая для этого к словам, девочка высказала Дженни нечто глубоко ее тронувшее: «Я тебя люблю; но больше того, ты мне нравишься; я горжусь тобой; по моему, ты просто потрясающая сестра; и если ты будешь со мной терпелива, я добьюсь того, что ты тоже сможешь мною гордиться и будешь счастлива, что у тебя такая младшая сестренка».

Столь видное место в мире Лизиных авторитетов явилось для Дженни полной неожиданностью. Из-за разницы в возрасте и еще потому, что она почти не бывала дома с тех пор, как Лизе исполнилось два года, Дженни казалось, что она должна быть для девочки практически посторонним человеком. Новая грань их взаимоотношений и польстила Дженни, и заставила ее почувствовать признательность к сестре.

– Я и так знаю, что могу на тебя положиться, – заверила она девочку. – Ничего иного я и не думала.

Лиза застенчиво улыбнулась.

Дженни обняла ее и притянула к себе.

На несколько мгновений Лиза изо всех сил прижалась к ней, а потом, когда они разомкнули объятия, спросила:

– Так все-таки... ты нашла какое-нибудь объяснение тому, что же здесь произошло?

– Ничего такого, что можно было бы счесть разумным.

– И телефон не работает?

– Не работает.

– Значит, он не работает во всем городе.

– Возможно.

Они подошли к двери и вышли на улицу, на мощный тротуар.

Оглядев молчаливую улицу, Лиза проговорила:

– Все мертвы.

– Ну, мы не можем этого утверждать.

– Все, – тихо и печально повторила девочка. – Весь городок. Абсолютно все. Это чувствуется.

– Сантини не мертвы, они исчезли, – напомнила ей Дженни.

За то время, что Дженни и Лиза пробыли в полицейском участке, над горами возшла луна, светившая сейчас в три четверти своего диска. В укромных уголках, куда не доставал свет от окон, витрин и уличных фонарей, серебристый свет луны высветил новые причудливые тени. Он как бы накрыл городок вуалью, которая к одним предметам прикинула плотнее, к другим – свободнее, придав их очертаниям некую расплывчатость и заставив их казаться гораздо таинственнее и мрачнее, чем в полной темноте.

– Кладбище, – проговорила Лиза. – Весь городок – кладбище. Давай-ка сядем в машину и поедем за помощью.

– Ты же понимаешь, что мы не можем этого сделать. Если болезнь уже...

– Никакая это не болезнь.

– Мы не можем быть в этом уверены.

– Я уверена. Полностью. Да ты и сама говорила, что почти исключает болезнь.

– Но пока есть пусть даже самая ничтожная вероятность, что это все-таки какая-то зараза, мы должны считать себя находящимися как бы в карантине.

Лиза, кажется, впервые обратила внимание на револьвер.

– Это револьвер полицейского?

– Да.

– Он заряжен?

– Из него трижды стреляли, но в нем еще есть три патрона.

– Стреляли во что?

– Хотела бы я знать.

– Ты решила его взять? – спросила, вся дрожа, Лиза.

Дженни посмотрела на револьвер, который она продолжала держать в правой руке, и утвердительно кивнула:

– Пожалуй, да. На всякий случай.

– Д-да. Но ведь... ему-то это не помогло?

Глава 6

Новые открытия

Они двинулись вдоль Скайлайн-роуд, поочередно попадая то в густую тень, то в свет: натриево-желтый – уличных фонарей, бледный, фосфоресцирующий – луны. С левой стороны улицы через ровные интервалы росли посаженные деревья, с правой были магазины. Они прошли мимо магазина сувениров, небольшого кафе, мимо принадлежащего Сантини магазина лыжных принадлежностей. У каждой из витрин они останавливались и всматривались внутрь, стараясь увидеть какие-нибудь признаки жизни, но нигде их так и не обнаружили.

Прошли они и мимо нескольких жилых домов, выходивших прямо на тротуар. Возле каждого из них Дженни поднималась на крыльцо и звонила в дверь. Никто нигде им не открыл, даже в тех домах, где в окнах горел свет. Вначале она хотела подергать двери и, если бы они оказались не заперты, зайти внутрь. Но потом решила не делать этого, поскольку предполагала – так же, как и Лиза, – что если они даже и найдут внутри хозяев дома, то те, скорее всего, окажутся в таком же кошмарном состоянии, как Хильда Бек и Пол Хендерсон. Надо найти живых, уцелевших свидетелей и очевидцев. Трупов с нее уже хватало.

– Тут нет где-нибудь в окрестностях атомной станции? – спросила Лиза.

– Нет. А что?

– А большой военной базы?

– Тоже нет.

– Я подумала, что, может быть, это... радиация.

– Радиация не убивает так быстро.

– А если это какая-то очень сильная вспышка радиации?

– Тогда жертвы выглядели бы совсем не так, как те, что мы видели.

– Не так?

– Были бы ожоги, волдыри, повреждения тканей.

Они подошли к парикмахерской, в которую всегда ходила Дженни. Внутри никого не было, что для обычного воскресенья было бы только естественно. «Интересно, что произошло с владелицами – с Мэдж и Дэйни», – подумала Дженни. Ей нравились и Мэдж, и Дэйни, и она искренне надеялась, что те уехали на весь день из города, куда-нибудь к своим парням в Маунт-Ларсон.

– А если яд? – спросила Лиза, когда они отошли от парикмахерской.

– Как может отравиться сразу весь город?

– Какая-нибудь испорченная еда.

– Ну, только если весь город выехал на пикник и все ели одно и то же: зараженную свинину, испорченный картофельный салат, что-нибудь в этом духе. Но ведь ничего подобного не было. Общегородской пикник бывает здесь только раз в году, четвертого июля.²

– Отравленная вода?

– Только если все выпили ее одновременно, и потому ни у кого не было возможности предупредить других.

– То есть это практически невозможно.

– А кроме того, то, что мы видели, совершенно не похоже ни на один из всех известных мне видов отравлений.

Они подошли к булочной Либермана. Это было аккуратное белое здание с бело-голубым полосатым тентом над тротуаром. Во время лыжного сезона здесь целыми днями стояла оче-

---

² День независимости, национальный праздник США.

редь на полквартала, без выходных: всем приезжим хотелось попробовать большие слоеные лимонные пончики, сделанные в форме баранок, горячие пышные кексы, шоколадные пирожные, янтарные ромовые бабы со сладкой начинкой из мандаринов и шоколада и прочие сладости, которыми Яков и Аида Либерман очень гордились и которые они выпекали с потрясающим артистизмом. Либерманам доставляла такое удовольствие их работа, что они даже жили в этом же доме, в квартире, расположенной над пекарней и булочной, – сейчас там не было света. И хотя в несезонное время их доходы были не так велики, как во время сезона, они и тогда работали шесть дней в неделю, с понедельника по субботу включительно, и люди приезжали к ним из всех окрестных городков – из Маунт-Ларсона, из Шейди-Руст и из Пайнвилля – и целыми сумками покупали все, что пекли Либерманы.

Дженни наклонилась поближе к витринному стеклу, а Лиза прижалась к нему лбом. В задней части дома, там, где стояли печи, из открытой внутренней двери лился яркий свет, освещая половину торгового зала, а через нее и все остальное, что было видно сестрам. Слева стояли маленькие столики, возле каждого из них было по паре стульев. На застекленных белых прилавках было пусто.

Дженни в душе молилась, чтобы Яков и Аида избежали той участи, что, кажется, выпала сегодня всему Сноуфилду. Это были чудеснейшие люди, самые добрые из всех, кого ей когда-либо доводилось знать. Именно такие люди, как Либерманы, делали Сноуфилд приятным для жизни убежищем от грубого мира, в котором насилие и взаимное недоброжелательство были обычным делом.

– А может быть, это какие-нибудь химические отходы? Ядовитые выбросы или что-нибудь, что могло нагнать на город облако смертоносного газа? – спросила Лиза, отворачиваясь от витрины булочной.

– Только не здесь, – ответила Дженни. – В наших горах нет никаких свалок токсичных отходов. Никаких заводов. Ничего подобного.

– Иногда такое происходит, если сходит с рельсов поезд и лопается цистерна с какой-нибудь химической дрянью.

– До ближайшей железной дороги отсюда двадцать миль.

Наморщив в задумчивости лоб, Лиза отошла от булочной и пошла вперед по тротуару.

– Подожди-ка. Я хочу сюда заглянуть, – сказала Дженни, направляясь к двери магазина.

– Зачем? Тут никого нет.

– Я не уверена. – Она подергала дверь, но не смогла открыть. – Свет горит в задней комнате и на кухне. Возможно, они там, пекут к утру товар и даже не знают, что творится в городе. Эта дверь заперта. Давай обойдем сзади.

Между булочной Либерманов и парикмахерской стояли крепкие деревянные ворота, сразу за которыми начинался узкий крытый проезд внутрь, в заднюю часть двора. Ворота были закрыты на засов, но Дженни сумела дотянуться до него, и засов поддался. Несмазанные петли громко заскрипели, ворота раскрылись. Проезд между домами был черен как ночь и казался тоннелем; только в отдалении, где-то в самом конце его, где он переходил в открытую аллею, едва угадывалось в темноте что-то серое, очертаниями напоминающее арку.

– Мне тут не нравится, – сказала Лиза.

– Ничего, сестренка. Иди за мной и старайся держаться поближе. Если потеряешь ориентировку, нащупай рукой стену и иди вдоль нее.

Дженни не хотела обнаруживать собственные сомнения и тем еще больше усиливать страхи сестры, но вид неосвещенного проезда и у нее вызвал нехорошее чувство. С каждым следующим шагом он словно становился все уже и уже, как бы сжимая Дженни со всех сторон.

Они прошли примерно четверть тоннеля, когда Дженни охватило вдруг сильнейшее ощущение, что она и Лиза тут не одни. Еще через мгновение она уловила, как что-то движется в самой темной части этого замкнутого пространства, наверху, под крышей, в восьми или десяти

футах над их головами. Дженни не смогла бы объяснить, как именно она это почувствовала. Не было никаких звуков, кроме ее собственных и Лизиних шагов, отзывавшихся слабым эхом. Не было ничего видно. Просто она вдруг ощутила присутствие чего-то враждебного и, кося глазами вперед и вверх, в угольно-черный потолок, была уверена, что темнота там как-то... меняется.

Перемещается. Двигается. Переливается с места на место. Передвигается под стропилами.

Дженни принялась убеждать себя, что у нее опять разыгралось воображение, но, когда она дошла до середины тоннеля, ее животный инстинкт уже вовсю кричал ей: «Сматывайся отсюда! Беги!» Врачи не должны впадать в панику, их специально учат умению сохранять хладнокровие. Дженни немного ускорила шаг, но только очень немного, самую малость, без всякой паники; через мгновение она ускорила его снова, и снова, и снова, пока наконец не побежала – вопреки собственной воле.

Она выскочила в аллею. Там было темно и мрачно, но все же не так черно, как в тоннеле, который она только что миновала.

Следом за ней выскочила Лиза. Она споткнулась, угодила на влажный грунт, поскользнулась и чуть не упала.

Дженни вовремя подхватила ее и не дала ей свалиться.

Обе они попятились, внимательно следя за выходом из темного крытого проезда. Дженни подняла револьвер, который прихватила из полицейского участка.

– Ты тоже почувствовала?! – спросила, задыхаясь, Лиза.

– Что-то там есть, наверху, под самой крышей. Возможно, птицы. В крайнем случае, несколько летучих мышей.

– Нет-нет. Н-не под крышей. – Лиза отрицательно покачала головой. – Оно с-сидело возле с-стены, н-на к-корточках.

Они продолжали внимательно всматриваться в зев тоннеля.

– Я видела что-то под стропилами, – сказала Дженни.

– Нет! – убежденно возразила девочка, в подтверждение своих слов энергично трясая головой.

– В таком случае что именно ты видела?

– Оно было возле стены. Слева. Примерно в средней части тоннеля. Я на него почти наткнулась.

– Но что это было?

– Я... я не знаю точно. Я его не разглядела.

– Ты что-нибудь слышала?

– Нет, – ответила Лиза, не в силах отвести глаз от темной дыры выхода.

– Какой-нибудь запах?

– Нет. Но... темнота была... В одном месте темнота там была... какая-то другая. Я чувствовала, что в ней что-то движется... или как будто движется... переливается...

– Вот и мне показалось в точности то же самое – но только под стропилами.

Они еще немного постояли и подождали. Из проезда никто не показывался.

Постепенно сердце Дженни, колотившееся как бешеное, немного успокоилось и стало биться просто учащенно. Она опустила револьвер.

Дыхание у сестер тоже успокоилось. Ночная тишина снова окутала все вокруг – точно погрузила в жидкое масло.

К Дженни опять вернулись сомнения. Она стала подозревать, что она сама и Лиза просто поддались истерии. Ей совершенно не нравилось такое объяснение, оно никак не согласовывалось со сложившимся у нее представлением о самой себе. Но она была достаточно честна

с собой, чтобы признать тот неприятный факт, что по крайней мере на этот раз она, по-видимому, запаниковала.

– Мы с тобой просто перевозбуждены, – сказала она Лизе. – Тебе не кажется, что если там действительно был кто-то или что-то, что представляет для нас опасность, то он бы уже давно напал на нас?

– Возможно.

– Ой, слушай, а знаешь, что это могло быть?

– Что? – спросила Лиза.

Налетел порыв холодного ветра; он прошуршал негромко вдоль аллеи и стих вдали.

– Это могли быть кошки, – сказала Дженни. – Несколько кошек. Они любят такие темные места.

– Мне так не показалось.

– Вполне могло быть. Парочка кошек наверху, на стропилах. И одна или две внизу, на дороге, возле стены, там, где ты на что-то чуть не наткнулась.

– Мне оно показалось больше кошки. Намного больше кошки, – с сильным беспокойством в голосе ответила Лиза.

– Ну хорошо, может быть, не кошки. Скорее всего, там вообще ничего не было. У нас просто перенапряжены нервы. – Дженни вздохнула. – Пойдем проверим, открыта ли задняя дверь. Мы ведь с тобой именно для этого сюда и пришли, помнишь?

Они направились к задней двери булочной Либерманов, по пути непрерывно оглядываясь на темневший позади них тоннель.

Служебный вход оказался не заперт, за дверью было тепло и светло. Дженни и Лиза вошли и очутились в узкой и длинной кладовке.

Следующая дверь вела из кладовки в огромную кухню, где приятно пахло мукой, корицей, грецкими орехами и апельсиновым экстрактом. Дженни жадно и глубоко вдохнула. Витавшие в кухне аппетитные запахи были такими домашними, такими естественными и так напоминали об обычной жизни и нормальных временах, что Дженни немного успокоилась и почувствовала, как спадает напряжение.

Кухня была хорошо оборудована. Здесь стояли двойные мойки, большой, размером с целую комнату, холодильник, в который можно было просто войти, несколько печей, несколько огромных белых эмалированных шкафов для хранения припасов, принадлежностей и готовых изделий, тестомесильная машина и масса разных приспособлений. Центр кухни занимал длинный и широкий стол наподобие прилавка, на котором и делалась вся основная работа. На одном его конце шла обычно разделка теста; на другом, покрытом нержавеющей сталью, – ближе к кладовке, откуда вошли на кухню Дженни и Лиза, – горой лежали кастрюли, противни и формы, предназначенные для выпечки всевозможных изделий. Все они были вычищены, вымыты и блестели. Да и вся кухня сияла чистотой.

– Никого нет, – сказала Лиза.

– Похоже, действительно никого, – согласилась Дженни. Она прошла чуть дальше по кухне, настроение у нее заметно улучшилось.

Если уцелела семья Сантини и если удалось спастись Якову и Аиде, то, возможно, не все жители городка погибли. Возможно...

О боже!

На другом конце стола, за горой противней и форм, лежал большой круг приготовленного для пирогов теста. Сверху на этом тесте лежала скалка, которой его обычно раскатывали. С обеих концов эту скалку держали руки. Две отрезанные кисти человеческих рук.

Попытившись назад, Лиза с такой силой ударилась спиной о металлический шкаф, что его содержимое громко зазвенело.

Что за дьяволыщина! Что тут везде происходит, черт возьми?

Движимая болезненным интересом и нетерпеливым стремлением разобраться в происходящем, Дженни подошла поближе к столу и уставилась на эти руки, не веря собственным глазам, одновременно с чувством отвращения и страха – пронзительного и ледяного, словно лезвие ножа. Кисти были без синяков и не вспухшие, цвет у них был серовато-бледный. Кровь – первая кровь, которую она увидела за весь сегодняшний день, – накапала из того места, где кисти были грубо и неровно оторваны от рук, и теперь поблескивала среди тонкой пленки мучной пыли капельками и отдельными струйками. Руки были сильные, точнее – они были сильными когда-то, при жизни их владельца. Толстые короткие пальцы. Большие суставы. На наружной стороне видны были слегка выющиеся жесткие седые волосы. Несомненно, это были мужские руки. Руки Якова Либермана.

– Дженни!

Дженни испуганно обернулась на зов.

Поднятая и вытянутая рука Лизы указывала куда-то на противоположную от них часть кухни.

Дальше, за разделочным концом стола, в дальней части кухни, вдоль длинной стены стояли три печи. Одна из них была огромная, с парой больших стальных дверец, закрывавших соответственно верхнюю и нижнюю части печи. Две другие были значительно меньшего размера, но все же более крупные, чем те, какие используются, как правило, в домашних кухнях. У каждой из этих печей была только одна дверца, в центре которой было вставлено стекло. Сейчас печи были выключены, и слава богу, потому что, работая они, вся кухня оказалась бы заполненной невыносимой вонью.

В каждой из этих печей лежала отрезанная голова.

Господи Иисусе!

Ужасные мертвые лица смотрели из печей в кухню, носы их были прижаты изнутри к стеклу.

Яков Либерман. Седые волосы перепачканы кровью. Один глаз полузакрит, другой вытаращен. Губы плотно сжаты в гримасе боли.

Аида Либерман. Глаза распахнуты, рот широко открыт, причем так, словно верхняя и нижняя челюсти утратили соединение друг с другом.

Поначалу Дженни даже не поверила, что головы настоящие. Это было уже слишком. Слишком шокирующим. На память ей пришли очень натуральные и очень дорогие маски, которые обычно выставляются в витринах и используются на маскарадах в канун Дня всех святых. Вспомнила она и о страшных, способных вогнать в ужас новинках, что продаются в магазинах розыгрышей, – о всех этих восковых головах с нейлоновыми волосами и стеклянными глазами, об этих отвратительных игрушках, которые почему-то иногда страшно нравятся мальчишкам, – уж такие-то игрушки, как эти, им бы наверняка понравились! Как ни странно, но на память ей пришла вдруг строчка из телевизионной рекламы сухих смесей для приготовления дома тортов и кексов: «Никто так не ждет и не любит вас, как тот, кто сидит в печи сейчас!»

Сердце Дженни гулко колотилось.

Ее била лихорадка, кружилась голова.

Оторванные кисти рук на разделочном столе по-прежнему держали скалку. Дженни казалось, что они вот-вот зашевелиятся и побегут по столу, как два краба.

Но где же в таком случае обезглавленные тела Либерманов? Уложены в большой печи за стальными дверцами, в которых нет окошек? Или заморожены и лежат в том большом холодильнике?

В горле у нее поднялся горький комок, но она сумела подавить его.

Револьвер сорок пятого калибра казался ей теперь никуда не годной защитой против столь изощренно жестокого и неизвестного врага.

У Дженни снова возникло ощущение, что за ними наблюдают, и сердце ее заколотилось так, словно готово было вот-вот выпрыгнуть из груди.

Она повернулась к Лизе:

– Уйдем отсюда!

Девочка направилась к двери кладовки.

– Не сюда! – резко остановила ее Дженни.

Лиза обернулась к сестре и заморгала, не понимая, в чем дело.

– Через аллею мы не пойдем, – сказала Дженни. – И через тот темный проезд тоже.

– Ой, верно, – согласилась Лиза.

Они быстро пересекли кухню и через противоположную дверь вышли в торговый зал. Прошли мимо пустых прилавков. Мимо столиков и стульев кафетерия.

С замком входной двери Дженни пришлось повозиться. Его заело. Она даже подумала, что, возможно, им все-таки придется выходить прежней дорогой, через аллею. Но потом поняла, что пытается повернуть замок не в ту сторону. Когда она повернула его в другую, замок с легким щелчком открылся, и Дженни распахнула дверь.

Они выскочили на улицу, в холодный ночной воздух.

Лиза пересекла тротуар и направилась к высокой сосне. Ей явно необходимо было на что-то опереться.

Дженни подошла и встала рядом с сестрой, продолжая настороженно и со страхом смотреть в сторону булочной. Она бы нисколько не удивилась, если бы увидела сейчас два обезглавленных тела, приближающихся к ним с какими-нибудь дьявольскими намерениями. Но возле булочной не было никакого движения, только края полосатого бело-голубого тента негромко похлопывали под легкими порывами ветра.

Ночь по-прежнему была совершенно беззвучна.

С того времени как Дженни и Лиза вошли под крышу темного прохода, луна успела подняться немного выше.

Помолчав немного, девочка сказала:

– Господи, что мы только не перебрали – радиация, инфекция, яд, смертельный газ... Знаешь, я думаю, мы ошиблись с самого начала. Подобные мерзости может делать только человек, больной человек. Все это сделал какой-то психопат.

Дженни отрицательно покачала головой:

– Один человек не мог все это сделать. Чтобы расправиться с городком, в котором жили почти пятьсот человек, понадобилась бы целая армия психопатов.

– Ну, значит, их была целая армия, – ответила, вся дрожа, Лиза.

Дженни с беспокойством посмотрела вдоль пустынной улицы. Ей казалось очень опрометчивым, даже опасным стоять здесь, на открытом месте, на виду; но она не могла придумать, какое место оказалось бы сейчас для них безопасным.

Наконец она сказала:

– Психопаты не собираются вместе и не планируют массовых убийств. Они не похожи на членов какого-нибудь клуба, готовящих благотворительный бал. Они почти всегда действуют поодиночке.

Беспокойно переводя взгляд от одной тени к другой, как бы опасаясь, что они вдруг материализуются и обнаружат недобрые побуждения, Лиза спросила:

– А помнишь, в шестидесятые годы была эта коммуна Чарльза Мэнсона? Они еще убили кинозвезду. Как ее звали?

– Шэрон Тейт.

– Верно. Может быть, и тут действует группа таких же ненормальных?

– Основу группы Мэнсона составляли максимум полдюжины человек, и это было редчайшее исключение – как правило, подобные люди бродят сами, как одинокие волки. Но даже

полдюжины человек не могли бы натворить ничего подобного в Сноуфилде. Чтобы это сделать, понадобилось бы человек пятьдесят, может быть даже сто или больше. А в таком количестве психопаты не способны действовать вместе.

Они немного постояли молча. Потом Дженни сказала:

– Есть и еще кое-что, не укладывающееся в такое объяснение. Почему на кухне было так мало крови?

– Там была кровь.

– Очень мало. Всего несколько небольших пятен на столе. Там все должно быть залито кровью.

Обхватив себя руками, Лиза быстро поводила ими вверх-вниз, стараясь хоть немного согреться. В желтоватом свете стоявшего неподалеку от них уличного фонаря лицо ее казалось восковым. И внешне ей можно было дать гораздо больше чем четырнадцать лет. Пережитый ужас заставил ее повзрослеть.

– И никаких следов борьбы тоже нет, – сказала девочка.

– Верно, – нахмурилась Дженни, – нет.

– Я сразу обратила на это внимание, – добавила Лиза. – Мне это показалось очень странным. Такое впечатление, что никто из них не сопротивлялся. Ничего не перевернуто. Ничего не сломано. Скалка могла бы послужить неплохим оружием. Но они ею не воспользовались. И ничего не опрокинуто, не разбито.

– Действительно, похоже, что они вообще не сопротивлялись. Как будто... добровольно положили свои головы на плаху.

– Но почему они так себя вели?!

И в самом деле, почему они так себя вели?

Дженни посмотрела вдоль Скайлайн-роуд в сторону своего дома, находившегося менее чем в трех кварталах отсюда, потом в противоположную сторону, туда, где располагались ресторанчик «Старая городская таверна», галантерейный магазин, пиццерия Марио и кафе-мороженое Паттерсона.

Бывает тишина – и тишина. Они не похожи друг на друга. Есть тишина смерти, что живет в склепах и на заброшенных кладбищах, в холодильниках городских моргов, а иногда и в больничных палатах. Это тишина полная, беззвучная, абсолютная. Будучи врачом, которому неизбежно приходится соприкасаться со смертью, Дженни хорошо знала эту особую, мрачную тишину.

Именно такая тишина висела сейчас над всем Сноуфилдом. Тишина смерти.

Дженни не хотела себе в этом признаться. Вот почему она до сих пор ни разу не крикнула во весь голос, не попыталась никого позвать. Она боялась, что никто не откликнется.

Теперь же она не звала и не кричала, потому что стала бояться, что кто-нибудь действительно может откликнуться. Кто-нибудь или что-нибудь. Кто-нибудь или что-нибудь очень опасное.

В конце концов у нее не осталось иного выбора, кроме как признать очевидные факты. Весь Сноуфилд был бесспорно мертв. Это был уже не город, но кладбище – искусное собрание каменных, деревянных, кирпичных могил с фронтонами, балконами, с разнообразными крышами и отделкой; забавное кладбище, устроенное в виде симпатичной альпийской деревни.

Снова налетел ветер, засвистел под крышами домов, и в звуках его было что-то от зова самой вечности.

Глава 7

Шериф округа

Власти округа, расположенные в Санта-Мире, еще ничего не знали о постигшей Сноу-филд катастрофе. Они пока занимались решением собственных проблем.

Лейтенант Талберт Уитмен вошел в комнату для допросов в тот самый момент, когда шериф Брайс Хэммонд включил магнитофон и начал перечислять подозреваемому его конституционные права. Тал бесшумно прикрыл дверь. Не желая мешать только начинавшемуся допросу, он не стал садиться за большой стол рядом с шерифом, а подошел к единственному в этой продолговатой комнате окну.

Департамент полиции округа Санта-Мира занимал здание в испанском стиле, построенное еще в конце тридцатых годов. В нем были массивные, громко хлопавшие двери, а стены были такие толстые, что ширина подоконников превышала фут. Вот на таком подоконнике и устроился сейчас Тал Уитмен.

Там, за окном, лежала Санта-Мира, главный город округа. Население города составляло около восемнадцати тысяч человек. По утрам, когда солнце наконец поднималось над горами Сьерры и разгоняло отбрасываемые ими тени, Тал иногда ловил себя на том, что с радостным удивлением смотрит на поросшие лесом невысокие отроги гор, на которых расположилась Санта-Мира: это было на удивление чистый и аккуратный городок, и его железобетонным корням каким-то чудом удавалось не повредить первозданную красоту природы, на которой он вырос. Сейчас на Санта-Миру опустилась ночь. На склонах холмов зажглись тысячи огней, и казалось, будто само звездное небо спустилось вниз и улеглось у подножия гор.

Выходец из Гарлема, черный, как сама ночь, родившийся и выросший в окружении нищеты и невежества, Тал Уитмен, в свои тридцать лет оказавшись здесь, не переставал удивляться. Удивляться и восхищаться.

Однако в сцене, что разворачивалась по эту сторону окна, не было ничего особенного. Комната для допросов внешне была похожа на тысячи других таких же комнат в полицейских участках и отделениях, разбросанных по всей стране. Пол, выложенный квадратами из дешевого линолеума. Старые, обшарпанные шкафы с бумагами. Круглый стол с пятью стульями около него. Выкрашенные в зеленый цвет стены. Люминесцентные лампы без плафонов.

Место подозреваемого возле стола занимал сейчас высокий и симпатичный двадцатилетний торговец недвижимостью по имени Флетчер Кейл, старательно вгонявший себя в состояние оскорбленной невинности и праведного возмущения.

– Послушайте, шериф, – говорил Кейл, – кончайте нести всю эту мусть. Сколько можно повторять мне мои права, господа? Вы мне их уже десятки раз излагали за эти последние три дня.

Боб Робин, адвокат Кейла, быстро похлопал своего клиента по руке, давая ему знак не заводиться. Робин был толст, пухл, с круглым лицом и приятной улыбкой, но с жесткими глазами хозяина игорного притона.

– Флетч, – сказал Робин, – шериф Хэммонд знает, что задержал тебя по одному только подозрению и продержал здесь почти столько, сколько позволяет закон. И он знает, что я тоже это знаю. Поэтому в течение ближайшего часа он должен будет решить это дело – так или иначе.

Кейл прищурился, кивнул и сменил тактику. Он сполз немного вниз на стуле, словно плечи ему придавила тяжесть огромного горя. Когда он заговорил снова, то голос его слегка дрожал.

– Простите, если я на время потерял голову, шериф. Я не должен был так с вами разговаривать. Но мне сейчас так тяжело... очень, очень тяжело. – Лицо его как будто обмякло,

дрожание в голосе стало заметнее. – Я хочу сказать... О господи, я же ведь потерял всю свою семью... Моя жена... сын... их обоих нет.

– Сожалею, если вам показалось, что я был к вам предубежден, мистер Кейл, – проговорил Брайс Хэммонд. – Я лишь пытаюсь делать то, что считаю верным. Иногда я оказываюсь прав. Возможно, в данном случае я ошибаюсь.

Явно решив, что ничего серьезного ему не угрожает и что поэтому он может позволить себе проявить сейчас великодушие, Флетчер Кейл вытер размазанные по лицу слезы, уселся на стуле попрямее и сказал:

– М-да... ну что ж... в общем-то, я вас понимаю, шериф.

Кейл сильно недооценил Брайса Хэммонда.

Боб Робин знал шерифа лучше, чем его нынешний клиент. Он нахмурился, взглянул на Тала, потом вперил свой жесткий взгляд в Брайса.

По своему опыту Тал Уитмен знал, что большинство из тех, кому приходилось иметь дело с шерифом, недооценивали его точно так же, как сейчас Флетчер Кейл. Недооценить его было очень легко. Внешне Брайс не производил большого впечатления. Ему было тридцать девять лет, но выглядел он намного моложе. Густые, песочного цвета волосы спадали на его лоб и казались взъерошенными, придавая ему мальчишеское выражение. У него был курносый нос с веснушками на переносице; веснушки покрывали и щеки. Голубые глаза были ясными и смотрели пристально, но их прикрывали крупные тяжелые веки, из-за которых выражение лица становилось недовольным, сонным, даже туповатым. Голос его тоже мог ввести в заблуждение. Он был мягкий, негромкий, мелодичный. Иногда Хэммонд специально говорил очень медленно, и кое-кто приходил на этом основании к выводу, что ему трудно формулировать собственные мысли. Ничто, однако, не могло быть дальше от истины, чем подобное предположение. Брайс Хэммонд отлично отдавал себе отчет в том, как его воспринимают, и, если ему это было выгодно, усиливал подобные заблуждения: нарочито старался понравиться, или бессмысленно улыбался, или еще больше растягивал и смягчал свою речь, в результате чего он начинал казаться классическим деревенщиной, таким, какими и изображают обычно полицейских.

В полной мере наслаждаться начавшимся допросом мешало Талу только одно обстоятельство: он знал, что расследование дела Кейла лично и весьма сильно затрагивает Брайса Хэммонда. В глубине души Брайс был потрясен и остро переживал бессмысленную гибель Джоанны и Денни Кейл. Дело в том, что нечто подобное случилось в его собственной жизни. Как и Флетчер Кейл, шериф тоже потерял жену и сына, хотя и при совершенно иных обстоятельствах.

Год назад жена шерифа Эллен Хэммонд погибла в автомобильной катастрофе. Семилетний Тимми, сидевший на переднем сиденье рядом с матерью, получил очень тяжелую травму головы и на протяжении всего последнего года находился в бессознательном состоянии. Врачи очень сомневались, что сознание когда-нибудь вернется к нему.

Эта трагедия почти сломала Брайса. Лишь совсем недавно у Тала Уитмена появилось ощущение, что его друг вроде бы начал постепенно выходить из полосы полного отчаяния.

Дело Кейла снова разбередило рану Брайса Хэммонда, но он не позволял горю притупить его чувства и разум и сумел ничего не проглядеть. Тал Уитмен мог в точности назвать момент – в прошлый четверг, вечером, – когда Брайс начал подозревать, что Флетчер Кейл виновен в двух преднамеренных убийствах, потому что именно с того момента в глазах Брайса, под тяжелыми веками, появилось нечто холодное и неумолимое.

Сейчас, рисуя что-то в желтом блокноте с таким видом, словно голова его занята не столько допросом, сколько какими-то другими делами, шериф проговорил:

– Мистер Кейл, пожалуй, я не буду заново задавать вам все те вопросы, на которые вы уже отвечали не меньше десяти раз. Давайте-ка я лучше попытаюсь суммировать все то, что вы

нам рассказали. Согласны? Если мое изложение покажется вам достаточно полным и верным, тогда мы перейдем к новым вопросам, которые я хотел бы вам задать.

– Согласен. Давайте еще раз по всему пройдемся и будем кончать с этим делом, – ответил Кейл.

– Вот и хорошо, – сказал Брайс. – Мистер Кейл, согласно данным вами показаниям, ваша жена, Джоанна, считала, что, выйдя замуж и став матерью, она угодила в ловушку; что она еще слишком молода, чтобы нести такую ответственность. Она считала, что допустила ужасную ошибку и что теперь ей предстоит всю жизнь расплачиваться за это. Она хотела как-то отвлечься от подобных мыслей, забыться и поэтому стала употреблять наркотики. Я верно с ваших слов пересказываю ее состояние?

– Да, – ответил Кейл. – Точно.

– Хорошо, – продолжал Брайс. – Значит, поэтому она начала курить марихуану. Спустя какое-то время она дошла до того, что почти постоянно была под действием наркотика. Два с половиной года вы прожили в этом наркотическом аду, все время надеясь, что вам удастся заставить ее измениться. Потом, неделю назад, она впала в неистовство, перебила массу посуды, разбросала по кухне еду, и вам стоило большого труда ее успокоить. Тогда-то вы и обнаружили, что она перешла на более сильный наркотик, на тот, который на уличном жаргоне называют «ангельской пылью». Вас это поразило. Вы знали, что некоторые люди под действием этого наркотика становятся маниакально агрессивны, поэтому вы заставили ее показать вам, где она хранила свои запасы, и полностью уничтожили все, что там было. Потом вы ее предупредили, что, если она, находясь поблизости от маленького Дженни, еще хоть раз воспользуется наркотиком, вы ее избыете до смерти.

Кейл откашлялся.

– Да, но она надо мной только посмеялась. Она сказала, что я не смогу ударить женщину и что нечего мне прикидываться суперменом. Она сказала: «Черт возьми, Флетч, даже если я тебе двину по яйцам, ты скажешь мне спасибо за то, что я подняла тебе настроение».

– И в этот момент в вас что-то надломилось и вы заплакали? – спросил Брайс.

– Я просто... ну, я понял, что не имею на нее никакого влияния, – ответил Кейл.

С того места на подоконнике, где он сидел, Талу Уитмену было видно, как лицо Кейла передернулось от горя – а возможно, и потому, что он умел им хорошо владеть. Этот паршивец действительно здорово держался.

– И когда она увидела, что вы заплакали, – продолжал Брайс, – это немного привело ее в чувство.

– Точно, – подтвердил Кейл. – Когда такой бык, как я, плачет, как ребенок... мне кажется... это на нее как-то подействовало. Она тоже заплакала и пообещала, что больше не будет принимать «ангельскую пыльцу». Мы поговорили с ней о прошлом, о том, что каждый из нас ожидал от нашего брака, высказали много такого, что, наверное, должно было быть сказано намного раньше. И мы почувствовали себя гораздо ближе друг к другу, чем это было за последние два года. По крайней мере, я себя так чувствовал. Мне показалось, что и она тоже. Она поклялась, что начнет постепенно сокращать дозу.

Продолжая рисовать в блокноте чертиков, Брайс продолжил:

– Потом, в прошлый четверг, вы пришли с работы раньше, чем обычно, и увидели в своей спальне, на кровати, своего сына Денни. Он был мертв. Вы услышали у себя за спиной какие-то звуки. Это оказалась Джоанна. В руках у нее был большой нож для разделки мяса, тот самый, которым она убила Денни.

– Она была накурившаяся, – сказал Кейл. – Этой самой «ангельской пылью». Я это сразу понял. У нее в глазах было такое особое, дикое, какое-то животное выражение.

– Она стала на вас орать, кричала что-то насчет змей, которые живут в головах у людей, что эти злые змеи управляют людьми и их поступками. Вы пытались, пятась, обойти ее, она на вас наступала. Вы не пытались отнять у нее нож...

– Я боялся, что она меня убьет. Я старался как-то отвлечь и успокоить ее разговором.

– Поэтому вы кружили по комнате, пока не добрались до тумбочки, где у вас лежал пистолет тридцать восьмого калибра.

– Я ей говорил, чтобы она бросила нож. Я ее предупреждал!

– А она, вместо того чтобы бросить, замахнулась ножом и кинулась на вас. Тогда вы в нее выстрелили. Один раз. В грудь.

Теперь Кейл сидел, наклонившись вперед и закрыв лицо руками.

Шериф положил ручку, которой рисовал. Он сложил руки на животе и принялся крутить пальцами.

– Ну что ж, мистер Кейл. Надеюсь, вы еще сможете немного потерпеть меня. Еще лишь несколько вопросов, и мы сможем закончить и уйти отсюда.

Кейл убрал руки от лица. Талу Уитмену было ясно, что слова «уйти отсюда» он воспринял как указание на то, что его наконец-то освободят.

– Ничего, шериф. Я в порядке. Продолжайте.

Боб Робин не проронил ни слова.

Ссутулившись и приняв нескладную позу, так что казалось, будто у него в теле совсем нет костей, Брайс Хэммонд сказал:

– Пока мы держали вас под арестом по подозрению, мистер Кейл, у нас возникло несколько вопросов, и надо их обговорить, чтобы у всех у нас появилась наконец ясность в отношении этого ужасного дела. Некоторые вопросы могут показаться вам сущей мелочью, не стоящей ни моего, ни вашего времени. Да это и в самом деле мелочи, я согласен. Почему я вас ими мучаю... Понимаете, мистер Кейл, через год предстоят выборы шерифа, и я хотел бы оказаться избранным еще на один срок. А если мои оппоненты смогут подловить меня на мелких технических упущениях, даже на какой-нибудь последней мелочи, они сумеют раздуть из этого скандал. Меня станут обвинять в лени, небрежности или еще в чем-нибудь подобном. – Брайс улыбнулся Кейлу, действительно улыбнулся ему. Тал не верил собственным глазам.

– Да, шериф, я понимаю, – сказал Кейл.

Сидя на подоконнике, Талберт Уитмен напрягнулся и слегка наклонился вперед.

И Брайс Хэммонд договорил:

– Так вот, первое. Я бы хотел знать, почему после того, как вы застрелили жену, прежде чем позвонить нам, вы провернули довольно солидную стирку?

Глава 8

За баррикадой

Отрезанные руки. Отрезанные головы.

Торопливо шагая вместе с Лизой по тротуару, Дженни никак не могла прогнать от себя эти ужасные и отвратительные видения.

На Вейл-лейн, в двух кварталах к востоку от Скайлайн-роуд, ночь была столь же тиха, беззвучна и полна таинственной опасности, как и во всем Сноуфилде. Деревья здесь были выше, чем на главной улице, и потому сюда проникало значительно меньше лунного света. Уличные фонари стояли реже, и небольшие островки желтого света отделяли друг от друга довольно длинные отрезки зловещей темноты.

Дженни свернула в калитку и по выложенной кирпичом дорожке направилась к стоящему в глубине участка одноэтажному дому в английском стиле, из окон которого лился теплый свет. Центр каждой оконной рамы украшала ромбовидная вставка, а сами окна были сделаны из затемненного стекла.

Дом Тома и Карен Оксли снаружи казался небольшим, но это впечатление было обманчиво: на самом деле в нем было семь комнат и две ванные. Том работал бухгалтером почти во всех мотелях и охотничьих домиках города. Карен во время сезона открывала небольшое, но очаровательное французское кафе. Оба они были радиолюбителями и имели коротковолновую радиостанцию: именно поэтому Дженни и решила сюда зайти.

– Если кто-то испортил радио в полицейском участке, почему ты думаешь, что они не добрались и сюда? – спросила Лиза.

– Они могли не знать об этом месте. В любом случае стоит заглянуть.

Она позвонила и, когда на звонок никто не вышел, подергала дверь. Та оказалась заперта.

Они обошли вокруг дома и зашли с тыльной стороны. Золотистый свет лился тут из всех окон. Дженни с подозрением посмотрела на лужайку, где чернели тени окружавших ее высоких деревьев. Когда они поднялись на деревянное заднее крыльцо, их шаги отозвались гулким эхом. Дженни подергала кухонную дверь, но она тоже оказалась запертой.

Занавески ближайшего к этой двери окна были раздвинуты. Дженни заглянула внутрь и увидела самую обычную кухню: стены, окрашенные в кремовый цвет, дубовые шкафы и рабочие столы с зелеными крышками, сверкающие кастрюли и кухонные принадлежности. Никаких признаков насилия.

Свет в следующем окне горел, но занавески были задернуты. Как знала Дженни, это было окно кабинета. Она побарабанила по стеклу – никто не отозвался. Попыталась открыть окно, однако оно было заперто изнутри. Взяв револьвер за ствол, она разбила ромбовидную вставку в середине окна. Звон разбиваемого стекла почти оглушил ее. Прекрасно понимая, что это особый случай, Дженни все равно чувствовала себя забирающимся в чужой дом воришкой. Она просунула руку внутрь ромба, нащупала щеколду и открыла ее, потом распахнула створки окна и вошла через подоконник в дом. Запуталась в занавесках, затем раздвинула их, чтобы Лизе было легче влезать.

Внутри кабинета было два трупа: Том и Карен Оксли.

Карен лежала на полу, на боку, ноги ее были подтянуты к животу, плечи полусогнуты вперед и вниз, руки сложены на груди – точь-в-точь поза ребенка в чреве матери. Вся она была покрыта кровоподтеками и распухла, глаза в ужасе вылезли из орбит, рот широко открыт и навеки застыл в вопле.

– Какие у них лица! Самые страшные из всего, что мы видели, – сказала Лиза.

– Не понимаю, почему лицевые мускулы не расслабляются после смерти. Они не должны, просто не могут оставаться такими.

– Интересно, что же они такое увидели? – спросила Лиза.

Том Оксли сидел перед коротковолновой радиостанцией, когда его настигла смерть. Он тяжело упал на нее, голова его была повернута вбок. Весь он, как и Карен, был покрыт синяками и кровоподтеками и ужасно распух. Правая рука его мертвой хваткой сжимала микрофон, и казалось, что он погиб, пытаясь не отдать его, не выпустить из рук. Но совершенно ясно, что передать призыв о помощи он не успел, иначе полиция уже давно была бы в Сноуфилде.

Радио не работало.

Дженни поняла это, как только увидела трупы.

Но самым потрясающим, однако, здесь была не умолкшая радиостанция и даже не трупы, а баррикада. Дверь, ведущая в кабинет, была закрыта и, по всей видимости, заперта. Карен и Том изнутри приперли ее шкафом, который сумели подтащить, несмотря на его тяжесть. К шкафу они придвинули два кресла, а между креслами и столом, на котором стояла радиостанция, вогнали заклинивший все это сооружение телевизор, так что открыть дверь в кабинет снаружи было бы невозможно.

– Они явно старались не дать кому-то сюда войти, – сказала Лиза.

– Но оно тем не менее проникло.

– Как?

Обе они оглянулись на окно, через которое залезли сами.

– Оно было заперто изнутри, – сказала Дженни.

В комнате было еще только одно окно.

Они подошли к нему и раздвинули занавеску.

И это окно было прочно заперто изнутри.

Дженни уставилась в ночь и смотрела так до тех пор, пока не почувствовала: что-то скрывающееся в темноте смотрит оттуда на нее и прекрасно видит, как она стоит здесь, ничем не защищенная, в освещенном окне. Дженни резко задернула занавеску.

– Совершенно запертая комната, – проговорила Лиза.

Медленно поворачивая голову, Дженни внимательно оглядела весь кабинет. Здесь было закрытое металлической решеткой с узкими щелями вентиляционное отверстие, через которое поступал теплый воздух при отоплении. Щель под забаррикадированной дверью была не больше полудюйма. Попасть в запертую комнату было невозможно.

– Насколько я могу судить, проникнуть сюда и убить их могли только ядовитый газ, радиация или бактерии, – сказала Дженни.

– Но Либерманов убило не это.

– Да, – кивнула Дженни. – А кроме того, против радиации, газа или бактерий не воздвигают баррикад.

Интересно, сколько же жителей Сноуфилда пытались забаррикадироваться изнутри, считая, что нашли надежную защиту, – а в результате погибали так же молниеносно и таинственно, как и те, кто не успел убежать? И что же это было такое, что обладало способностью проникать в запертые комнаты, не открывая ни окон, ни дверей? Что могло пройти сквозь такую баррикаду, даже не тронув ее?

Тишина в доме Оксли была такая же, какая, наверное, бывает на Луне.

– И что же дальше? – спросила наконец Лиза.

– Думаю, нам надо рискнуть, даже если мы распространим инфекцию. Надо выехать из города, доехать до первого телефона-автомата, позвонить в Санта-Миру шерифу, описать ему положение, и пусть он сам решает, что и как предпринять. А мы с тобой вернемся сюда и будем ждать здесь. Мы не должны вступать ни с кем в непосредственный контакт. Телефонную будку, если понадобится, они смогут потом дезинфицировать.

– Мне очень не нравится мысль о том, чтобы вернуться, если уж мы отсюда уедем, – с беспокойством в голосе сказала Лиза.

– Мне тоже. Но мы должны вести себя с чувством ответственности. Поехали, – сказала Дженни, поворачиваясь к окну, через которое они забрались в дом.

Зазвонил телефон.

Дженни испуганно обернулась на его резкий звонок.

Телефон стоял на том же самом столе, где и радиостанция.

Он зазвонил снова.

Дженни схватила трубку:

– Аллю?

Никто не ответил.

– Аллю?

Ледяное молчание.

Рука Дженни изо всех сил сжимала трубку.

Кто-то внимательно слушал, сохраняя полное молчание и ожидая, чтобы она заговорила первой. Но она отнюдь не собиралась доставлять ему такое удовольствие. Она только прижимала трубку к уху и старалась что-нибудь уловить. Не важно что – что угодно. Пусть даже только его дыхание или звук, не более громкий, чем шорох морского отлива. Ни малейшего звука не было, но Дженни чувствовала, что на другом конце провода кто-то есть и этот кто-то тот же самый, чье присутствие она обнаружила, когда снимала трубки телефонов в доме Сантини и в полицейском участке.

Стоя в забаррикадированной комнате, в этом молчащем доме, в который каким-то непостижимым образом пробралась смерть, Дженни Пэйдж ощущала, как внутри ее происходит странная трансформация. Она была хорошо образованной и разумной женщиной, начисто лишенной веры в какие бы то ни было суеверия и предрассудки. До сих пор она пыталась разрешить загадку Сноуфилда путем логического анализа и рассуждений. Но впервые в жизни все это оказалось абсолютно несостоятельно. И сейчас в глубине ее сознания что-то... сдвинулось, словно приподняли и откинули в сторону огромную тяжеленную стальную плиту, придавливавшую и скрывавшую бездну ее подсознания. В этой бездне, в ее мрачных глубинах, таились совершенно новые для нее первобытные эмоции и чувства, унаследованные с незапамятных времен, благоговейный страх перед сверхъестественным. И она поняла, что же происходило тут, в Сноуфилде; поняла на уровне животной памяти, заложенной в генах и передаваемой из поколения в поколение. Она и раньше понимала и знала это, знание жило в ней, но было настолько непривычно и чуждо, казалось таким алогичным, что она сопротивлялась ему сколько могла, изо всех сил стараясь подавить вскипавший в ней суеверный ужас.

Сжимая трубку телефона, она вслушивалась в чье-то молчаливое присутствие и внутренне спорила сама с собой: «Это не человек; это *нечто*». – «Чепуха». – «Оно вообще чуждо человеческой природе; но оно обладает сознанием». – «У тебя истерика». – «Оно неопишимо злобно; это чистое зло в высшем его выражении». – «Прекрати, прекрати, прекрати!»

Ей хотелось швырнуть трубку, но она не могла, не в состоянии была сделать это. Нечто находившееся на другом конце провода гипнотизировало ее.

Лиза подошла поближе:

– Что там такое? Что происходит?

Вся дрожа, мокрая от внезапно выступившего пота, чувствуя, что ее отравляет уже одно вслушивание в это чье-то омерзительное присутствие, Дженни готова была оторвать трубку от уха, когда услышала свист, щелчок – и в трубке появился гудок.

В первое мгновение она застыла, пораженная, не в силах что-либо сделать.

Потом она лихорадочно ткнула пальцем в кнопку «0».

Раздался гудок вызова. Это был прекрасный, сладостный, волнующий звук.

– Оператор слушает.

– Соедините меня с окружным шерифом в Санта-Мире, – сказала Дженни. – Очень срочно!

Глава 9

Призыв на помощь

– Стирку? Какую стирку? – переспросил Кейл.

Брайс видел, что его вопрос застал Кейла врасплох и тот только притворяется, будто не понимает, о чем его спрашивают.

– Какое это имеет отношение к делу, шериф? – спросил Боб Робин.

Глаза Брайса оставались по-прежнему полуприкрытыми, он продолжал говорить спокойно и медленно:

– Видишь ли, Боб, я просто пытаюсь выяснить все мелочи, чтобы мы могли закрыть это дело. Клянусь, я терпеть не могу работать по воскресеньям, а дело уже почти закончено. У меня есть еще несколько вопросов, мистер Кейл может не отвечать ни на один из них, если не хочет, но я их все-таки задам. Тогда я смогу с чистой совестью отправляться домой пить пиво.

Робин вздохнул и посмотрел на Кейла.

– Не отвечайте без моего разрешения, – сказал он.

Кейл, теперь уже откровенно обеспокоенный, кивнул.

Нахмурившись, Робин посмотрел на Брайса:

– Продолжайте.

– Когда мы в прошлый четверг приехали в дом мистера Кейла по его вызову, – заговорил опять Брайс, – я обратил внимание на то, что отворот на одной из штанин и нижняя, утолщенная кромка его свитера выглядели немного влажными. Самую малость – так, что это даже трудно было заметить. У меня сложилось впечатление, что перед нашим приездом он перестирал все, что было на нем надето, но не успел как следует высушить выстиранное. Поэтому я заглянул в ту комнату, где стоит стиральная машина, и обнаружил там кое-что интересное. В шкафу рядом со стиральной машиной, там, где миссис Кейл держала мыло, стиральные порошки и тому подобное, на большой коробке порошка были два отпечатка пальцев. Один немного смазанный, другой совсем четкий. Оба отпечатка были оставлены окровавленными пальцами. Наша лаборатория утверждает, что это отпечатки пальцев мистера Кейла.

– Чья кровь была на коробке? – резко спросил Робин.

– И у миссис Кейл, и у Денни была нулевая группа крови. У мистера Кейла та же группа. Поэтому нам было достаточно сложно...

– Чья кровь была на коробке с порошком? – перебил его Робин.

– Кровь была нулевой группы.

– Тогда это вполне могла быть кровь моего клиента! Эти отпечатки могли оказаться на коробке гораздо раньше. Допустим, за неделю до того он что-то делал в саду и порезался.

Брайс отрицательно покачал головой:

– Как вы знаете, Боб, сейчас научились делать очень подробные анализы крови. Ее образец раскладывают на такое число ферментов и молекул протеина, что в результате анализа можно определить ее принадлежность только данному человеку, как и его отпечатки пальцев. И лаборатория нам совершенно однозначно сообщила, что кровь на коробке с порошком – а следовательно, и на руке мистера Кейла, когда он оставил там эти отпечатки, – принадлежала маленькому Денни Кейлу.

Глаза Флетчера Кейла оставались все такими же спокойными, лишенными выражения, но сам он сильно побледнел.

– Я могу объяснить, как это получилось, – сказал он.

– Погодите! – остановил его Робин. – Объясните сначала мне одному! – Адвокат отвел своего клиента в самый дальний угол комнаты.

Брайс, ссутулившись, сидел на своем стуле. Чувствовал он себя препротивно. Совершенно разбитым. Такое ощущение появилось у него с прошлого четверга, с того момента, когда он увидел жалкое изувеченное тельце Денни Кейла.

Он думал, что ему доставит большое удовольствие наблюдать за тем, как будет корчиться и извиваться, словно червяк, Кейл, когда он его прижмет. Но никакого удовольствия в этом не было.

Робин и Кейл вернулись за стол.

– Шериф, боюсь, мой клиент сделал глупость.

Кейл постарался изобразить на своем лице должное смущение.

– Он совершил поступок, который мог быть неверно истолкован. И вы его действительно неправильно истолковываете. Мистер Кейл был тогда испуган, находился в замешательстве, был потрясен свалившимся на него горем. Он не вполне отдавал себе отчет в собственных действиях. Я уверен, что любой состав присяжных окажется на его стороне. Видите ли, когда он обнаружил тело своего сына, то поднял его и...

– Он утверждал, что не прикасался к нему.

Кейл выдержал прямой взгляд Брайса и произнес:

– Когда я увидел лежавшего на полу Денни... я вначале просто не поверил, что он... и вправду мертв. Я его подхватил... подумал, что надо побыстрее отвезти его в больницу... А потом, после того как я уже застрелил Джоанну, я посмотрел на себя и увидел, что я весь... в крови Денни. Я действительно убил жену; но тут я вдруг понял, что может сложиться впечатление, будто и своего сына тоже убил я.

– В руке у вашей жены был зажат нож, – напомнил Брайс. – И она тоже вся была в крови Денни. Кроме того, вы могли бы предположить, что коронер найдет в ее крови наркотик.

– Сейчас я все это понимаю, – сказал Кейл, вытаскивая из кармана носовой платок и вытирая глаза. – Но тогда я был напуган, что меня могут обвинить в том, чего я не делал.

Характеристика «психопат» не подходит к Флетчеру Кейлу, решил Брайс. Он не сумасшедший. Нельзя его назвать и в полном смысле слова социопатом.³ Пожалуй, его вообще невозможно описать каким-то одним словом. Хороший полицейский, однако, сразу же распознает подобных типов, угадывая в них и способность пойти на преступление, и своего рода талант к проявлениям грубого насилия и жестокости. Есть такой тип людей, у которых прорва жизненных сил, которые любят постоянно находиться в действии, наделены немалой долей обаяния; это люди, которые носят более дорогую одежду, чем могут себе позволить; у которых нет ни одной книги – у Кейла их и не было; у которых нет своей выношенной точки зрения ни по какому серьезному вопросу, будь то сфера экономики, политики, искусства или чего угодно другого; которые не верят в Бога, если только на них не свалилось какое-нибудь несчастье или они не хотят произвести на кого-нибудь впечатление своей набожностью – как Кейл, который, хотя и не принадлежал ни к какой религии, сейчас не меньше четырех часов в день проводил за чтением в своей камере Библии; люди, атлетически сложенные, но не терпящие никаких полезных физических нагрузок или упражнений, проводящие все свое свободное время в барах и забегаловках; люди, привычно, по инерции обманывающие свою жену, – что, судя по всем отзывам, делал Кейл; импульсивные, ненадежные, всегда и всюду опаздывающие – что тоже было характерно для Кейла; люди, не имеющие перед собой ясных и реалистических целей – «Кто? Флетчер Кейл? Ну, это мечтатель!» – лгущие в денежных вопросах и часто забирающие со своего счета в банке больше, чем на нем есть, легко берущие займы и трудно отдающие долг; склонные к преувеличениям, твердо знающие, что в один прекрасный день они разбогатеют, но не имеющие ни плана движения к этой цели, ни представления о том, как и почему

---

³ Термин, применяемый в социологии и правоохранительной практике США для обозначения людей с устойчиво патологическими чертами социального поведения.

это произойдет; люди, которые никогда не задумываются о будущем, но и не сомневаются в том, что оно сложится для них удачно; люди, думающие и заботящиеся только о себе, и то обычно тогда, когда уже бывает поздно. Флетчер Кейл был идеальным образцом подобного человеческого типа.

Брайсу доводилось и раньше встречать таких людей. Глаза у них всегда лишены выражения, заглянуть в них невозможно. Лица способны принимать любое выражение, которое необходимо им в данный момент. Если они проявляют заботу и внимание к кому-то другому, кроме себя, от этого за несколько миль несет неискренностью. Их не отягощают угрызения совести, соображения морали, способность любить или испытывать сочувствие. Обычно они живут, сея вокруг себя всевозможные разрушения: портят настроение и существование тем, кто их любит, вносят потрясения в жизнь своих друзей, доверившихся им и понадевавшихся на них, нарушают договоренности и соглашения, обманывают доверие, но при этом так никогда и не пересекают ту черту, за которой начинается преступление. Однако время от времени такие люди заходят далеко. А поскольку они никогда и ничего не делают наполовину, то в этом случае они непременно заходят очень, страшно далеко.

Брошенное на пол маленькое, истерзанное, окровавленное тельце Денни Кейла.

Мрачное отвращение, переполнявшее Брайса, казалось, становилось все более густым и тягучим, погружая его рассудок в холодный туман. Обращаясь к Кейлу, он спросил:

– Вы нам говорили, что ваша жена на протяжении двух с половиной лет была заядлой курильщицей марихуаны?

– Совершенно верно.

– По моей просьбе коронер обратил особое внимание на некоторые обстоятельства, которыми обычно не принято интересоваться при вскрытиях. В частности, на состояние легких Джоанны. Она не курила не только марихуану, она вообще не курила. Легкие у нее чистые.

– Я не говорил, что она курила табак. Только марихуану, – сказал Кейл.

– И дым марихуаны, и дым обычного табака разрушающе действуют на легкие, – сказал Брайс. – У Джоанны же легкие были чистые, вообще без всяких следов воздействия дыма.

– Но я...

– Помолчите, – прервал своего клиента Робин. Он наставил длинный тонкий палец на Брайса, поворачивая его в воздухе и спросил: – Была в ее крови «ангельская пыльца» или нет? Вот что существенно.

– Была, – ответил Брайс. – В крови была. Но она ее не курила. Джоанна, видимо, принимала ее внутрь. Очень большое количество этой «пыльцы» было обнаружено у нее в желудке.

Робин заморгал от удивления, но быстро преодолел замешательство.

– Ну вот, – сказал он, – значит, она ее все-таки принимала. И какая разница, как именно?

– В желудке, – продолжал Брайс, – было обнаружено гораздо больше «пыльцы», чем в крови.

Кейл попытался изобразить одновременно любопытство, напряженную работу мысли и полную невинность, но даже его весьма подвижному лицу справиться с этим оказалось затруднительно.

– Значит, в желудке ее оказалось гораздо больше, чем в крови. И что же из этого следует? – спросил, нахмурившись, Боб Робин.

– «Ангельская пыльца» поглощается кровью очень быстро. Если принимать ее внутрь, то она не может оставаться в желудке долгое время. Джоанна проглотила ее столько, что могла бы свихнуться. Но эта «пыльца» не могла успеть на нее подействовать. Дело в том, что она съела эту «пыльцу» с мороженым. А мороженое покрыло изнутри ее желудок тонкой пленкой и мешало попаданию наркотика в кровь. Во время вскрытия коронер обнаружил в желудке частично еще не переваренное мягкое шоколадное мороженое. А это означает, что «пыльца» не успела проникнуть в кровь и вызвать у Джоанны галлюцинации или заставить ее впасть в

неистовую ярость. – Брайс остановился, перевел дыхание и немного помолчал. – В желудке у Денни тоже были остатки мягкого шоколадного мороженого, но без наркотика. Когда мистер Кейл говорил нам о том, что в четверг он пришел домой с работы пораньше, он забыл упомянуть, что принес домашним угощение. Полгаллона мягкого шоколадного мороженого.

Лицо Флетчера Кейла стало абсолютно бесстрастным. Похоже, он наконец исчерпал весь имевшийся у него в запасе арсенал выражений.

– В морозильнике у Кейлов мы нашли банку с остатками мороженого, – продолжал Брайс. – Мягкого, шоколадного. Мне кажется, дело происходило следующим образом, мистер Кейл. Вы разложили мороженое по тарелкам, для всех. И я думаю, тайком подсыпали в тарелку жене «ангельской пыли», чтобы иметь потом возможность утверждать, что она неистовствовала под влиянием наркотика. Вам не пришло в голову, что коронер сможет все это установить.

– Черт возьми, подождите минуту! – воскликнул Робин.

– А потом, когда вы стирали свою окровавленную одежду, – продолжал Брайс, обращаясь к Кейлу, – вы вымыли тарелки из-под мороженого и убрали их, потому что, по вашей версии, когда вы пришли домой с работы, маленький Денни был уже мертв, а его мать свихнулась на почве наркотиков.

– Все это только предположения, – сказал Робин. – А о мотивах вы забыли? Ради бога, зачем бы моему клиенту понадобилось совершать столь омерзительное деяние?

Пристально глядя в глаза Кейла, Брайс произнес:

– «Высокогорные инвестиции».

Лицо Кейла оставалось бесстрастным, но веки его дрогнули.

– «Высокогорные инвестиции»? – переспросил Робин. – Что это такое?

Брайс продолжал, не отрывая взгляда от Кейла:

– В прошлый четверг, перед тем как идти домой, вы покупали мороженое?

– Нет, – категорически ответил Кейл.

– А владелец магазина на Кальдер-стрит утверждает, что покупали.

Кейл яростно сжал зубы, и скулы у него напряглись.

– Что такое «Высокогорные инвестиции»? – снова спросил Робин.

Брайс выстрелил в Кейла следующим вопросом:

– Вам известен человек, которого зовут Джин Терр?

Кейл молчал.

– Его еще иногда называют Джитер.

– Кто это такой? – спросил Робин.

– Главарь «Хромированных дьяволов», – ответил Брайс, внимательно наблюдая за Кейлом. – Банды мотоциклистов. Джитер занимается торговлей наркотиками. Самого его поймать с поличным нам, правда, ни разу не удавалось. Но кое-кого из членов банды мы посадили. В связи с этим делом мы нажали на Джитера, и он вывел нас на одного из своих людей, который признался, что мистер Кейл регулярно покупал у него марихуану. Мистер, не миссис Кейл. Она никогда ничего не покупала.

– И кто это говорит? – возмутился Робин. – Рокер! Подонок! Торговец наркотиками! Как можно верить показаниям такого свидетеля?!

– По имеющейся у нас информации, мистер Кейл покупал в прошлый четверг не только марихуану. Он покупал и «ангельскую пыльцу». Человек, который продал ему все это, готов дать показания в суде в обмен на то, что его не будут преследовать по закону.⁴

Со звериной быстротой и внезапностью Кейл вскочил, схватил стоявший рядом с ним пустой стул, запустил его через стол в Брайса Хэммонда и кинулся к выходу.

---

⁴ Обычная, разрешенная законом практика в американском правоохранении и судопроизводстве.

В то мгновение, когда стул еще был в воздухе, Брайс уже бросился за убегающим, поэтому стул пролетел мимо головы шерифа, не причинив ему никакого вреда, и грохнулся на пол позади него. Брайс в этот момент огибал стол.

Ударом ноги Кейл распахнул дверь и выскочил в коридор.

Брайс отставал от него всего на четыре шага.

Тал Уитмен слетел с подоконника так, словно его снесло оттуда взрывом, и сейчас мчался на шаг позади Брайса, крича во все горло.

Выскочив в коридор, Брайс увидел, что Флетчер Кейл несется по направлению к желтой входной двери, находившейся от него примерно в двадцати футах. Он припустился вдогонку за этим сукиным сыном.

Кейл с разбега налетел на ручку и распахнул металлическую дверь.

В следующее мгновение, когда Кейл уже заносил ногу через порог, собираясь выскочить на посыпанную щебнем стоянку возле полицейского участка, Брайс настиг его.

Чувствуя, что Брайс уже у него за спиной, Кейл с невероятной быстротой и гибкостью развернулся и выбросил вперед свой огромный кулак.

Брайс увернулся от удара и сам влепил кулаком по твердому и плоскому животу Кейла, а потом со всего маху ударил его по шее.

Кейл отшатнулся назад, прижав руки к горлу, кашляя и ловя ртом воздух.

Брайс двинулся на него.

Но Кейлу досталось не так сильно, как он притворялся. Он прыгнул навстречу Брайсу и крепко зажал его своей железной хваткой.

– Ах ты гад! – рычал Кейл, брызжа слюной.

Его серые глаза были широко раскрыты, рот свирепо оскален, во всем его облике появилось что-то волчье.

Руки Брайса оказались прижатыми к телу, и, хотя он и сам был достаточно силен, вырваться из тисков Кейла не мог. Так, вместе, борясь друг с другом, они сделали несколько шагов назад, споткнулись и грохнулись, причем Кейл очутился наверху. Голова Брайса больно ударилась о мостовую, и на мгновение ему почудилось, что он вот-вот потеряет сознание.

Кейл ударил его, но не очень сильно, потом вдруг скатился с него и быстро пополз на карачках куда-то в сторону.

С трудом прогоняя возникшую у него перед глазами темную пелену и удивляясь, что Кейл почему-то не воспользовался преимуществом, которое имел, Брайс перевернулся и встал на четвереньки. Он потряс головой – и тут увидел, куда устремился его противник.

За револьвером.

Он лежал на щебенке в нескольких ярдах от них, мрачно поблескивая в желтоватом свете натриевых ламп.

Брайс схватился за кобуру. Пустая. Валявшийся на земле револьвер был его собственным. По-видимому, когда шериф упал, револьвер выскользнул из кобуры и отлетел в сторону.

Рука убийцы сомкнулась на оружии.

В этот момент Тал Уитмен изо всей силы ударил Кейла сзади по шее полицейской дубинкой, и тот свалился без сознания прямо на револьвер.

Присев с ним рядом, Тал перевернул Кейла на спину и проверил его пульс.

Держась за собственный раскалывающийся затылок, Брайс, прихрамывая, подковылял к ним.

– Как он, Тал? Цел?

– Вполне. Через пару минут оклемается. – Уитмен подобрал револьвер Брайса и поднялся.

– Я тебе обязан, Тал, – поблагодарил Брайс, принимая из его рук оружие.

– Чепуха. Как твоя голова?

– Пройдет. На этот раз повезло.
– Я не ожидал, что он бросится удирать.
– Я тоже не ожидал, – сказал Брайс. – Такие люди, когда их по-настоящему припрешь, обычно становятся все спокойнее, хладнокровнее и осторожнее.
– Ну, этот, видимо, решил, что для него уже все кончено.
В дверях полицейского участка стоял Боб Робин, с ужасом смотрел на них и молча качал головой.

* * *

Некоторое время спустя, когда Брайс Хэммонд уже сидел за столом, заполняя бланки, в которых Флетчеру Кейлу предъявлялось обвинение в совершении двух предумышленных убийств, в открытую дверь его комнаты постучал Боб Робин.

Брайс поднял голову:

– Ну что, адвокат, как ваш клиент?
– С ним все в порядке. Но он уже больше не мой клиент.
– Вот как? Это было его решение или ваше?
– Мое. Я не могу вести дела клиента, который лжет мне буквально во всем. Не люблю, когда из меня делают дурака.
– Так что, ему прямо сейчас потребуется другой адвокат?
– Нет. Он намерен просить у судьи общественного защитника, когда ему будет предъявлено обвинение.
– Это будет завтра утром, первым делом.
– Не теряете даром времени, а?
– Только не с этим типом, – ответил Брайс.
– Правильно, – кивнул Робин. – Это очень мерзкий тип, Брайс. – Робин помолчал, а затем негромко произнес: – Знаете, я на целых пятнадцать лет отошел от католической веры. Я уже давным-давно решил для себя, что ангелов, чертей, чудес и тому подобного не существует. Я считал себя слишком образованным человеком, чтобы верить в то, будто Зло – Зло с заглавной буквы – ходит по миру на козлиных копытах. Но сейчас здесь, в камере, Кейл вдруг окрысился на меня и заявил: «Ничего они со мной не сделают. Меня не сломить. Никому. Я из этого выпутаюсь». А когда я предостерег его против чрезмерного оптимизма, он сказал: «Я таких, как вы, не боюсь. И никаких убийств я не совершал. Я просто избавился от мусора, который отравлял мне жизнь».

– Господи Иисусе, – проговорил Брайс.

Они помолчали оба. Потом Робин вздохнул.

– А все-таки что такое эти «Высокогорные инвестиции»? Как они связаны с мотивами его преступления? – спросил он.

Но прежде, чем Брайс успел ответить, в комнату торопливо вошел Тал Уитмен.

– Брайс, можно тебя на пару слов? – Он взглянул на Робина. – Хорошо бы наедине.

– Конечно, – проговорил Робин.

Адвокат вышел, Тал прикрыл за ним дверь.

– Брайс, ты знаешь доктора Дженнифер Пэйдж?

– Она некоторое время тому назад открыла кабинет в Сноуфилде.

– Точно. Но что она за человек, ты знаешь?

– Я с ней не знаком. Слышал, правда, что она неплохой врач. Жители этих маленьких горных деревушек теперь довольны, что им не надо больше ездить к врачам в Санта-Миру.

– Я тоже с ней не знаком. Я просто хотел спросить... может быть, до тебя доходило... не выпивает ли она. Я хочу сказать... не пьет ли?

– Нет, я ничего подобного про нее не слышал. А что? Что случилось?

– Она позвонила пару минут назад. Говорит, что в Сноуфилде произошла катастрофа.

– Катастрофа? Какая катастрофа?

– Она говорит, что не знает.

– А когда ты с ней разговаривал, у нее не было истерики? – спросил, помолчав немного, Брайс.

– Голос звучал испуганно, это верно. Но истерики не было. Она хочет говорить непременно с тобой, никому другому не хочет ничего говорить. Она сейчас на третьем канале.

Брайс потянулся к трубке телефона.

– И еще кое-что, – проговорил Тал, озабоченно морща лоб.

Брайс положил руку на трубку, но не снял ее.

– Она мне сказала... – проговорил Тал. – Я просто не могу этому поверить... Она сказала...

– Ну?

– Она сказала, что там все мертвы. Весь Сноуфилд. По ее словам, единственные, кто там пока жив, это она сама и ее сестра.

Глава 10

Сестры и полицейские

Дженни и Лиза выбрались из дома Оксли тем же путем, каким попали туда: через окно. Ночь становилась все холоднее. И опять подул ветер.

Они поднялись в гору по Скайлайн-роуд, дошли до дома Дженни и прихватили там жакетки, чтобы было не так холодно.

Потом опять спустились вниз и вернулись в полицейский участок. Прямо перед ним, на тротуаре, к бордюрному камню была привинчена деревянная скамья, и они уселись на нее в ожидании, пока придет помощь из Санта-Миры.

– Как ты думаешь, когда они сюда доберутся? – спросила Лиза.

– Ну, до Санта-Миры отсюда больше тридцати миль, причем по горной дороге с массой крутых поворотов. А кроме того, они должны еще принять особые меры предосторожности. – Дженни посмотрела на свои часы. – Думаю, они здесь будут минут через сорок пять. Самое большее через час.

– Ого!

– Это не так долго, голубушка.

Лиза подняла воротник хлопчатобумажной, отделанной шерстяной с начесом тканью жакетки.

– Дженни, когда в доме Оксли зазвонил телефон и ты сняла трубку...

– Да?

– Кто тогда звонил?

– Никто.

– А что ты слышала?

– Ничего, – солгала Дженни.

– Судя по выражению твоего лица, я подумала, что тебе кто-нибудь угрожал или говорил что-то очень неприятное, нехорошее.

– Ну конечно, я была очень встревожена и расстроена. Когда он зазвонил, я подумала, что телефоны заработали. Но когда я сняла трубку и услышала все ту же гробовую тишину, я... во мне как будто что-то сломалось. Вот и все.

– А потом в трубке раздался гудок?

– Да.

«Наверное, она мне не верит, – подумала Дженни. – Считает, что я стараюсь оградить ее от чего-то. Что я, разумеется, и делаю. Но как передать ей ощущение, что на другом конце провода было тогда какое-то невероятное зло? Я и сама-то пока еще не понимаю, в чем тут дело. *Кто* или *что* слушал тогда меня по телефону? Почему он – или оно – в конце концов позволил мне позвонить?»

По улице ветром пронесло клочок бумаги. За исключением этого, все остальное было неподвижно.

По луне скользнуло и прошло легкое облачко.

Помолчав немного, Лиза сказала:

– Дженни, если со мной сегодня ночью что-нибудь случится...

– Ничего с тобой, голубушка, не случится.

– Но если все-таки случится, – настойчиво повторила Лиза, – я хочу, чтобы ты знала, что я... ну... честное слово, горжусь тем, что у меня такая сестра.

Дженни обняла девочку за плечи, и они еще теснее прижались друг к другу.

– А жаль, сестренка, что все эти годы мы с тобой так редко виделись.

– Ты же ведь не могла чаще приезжать домой, – ответила Лиза. – Я понимаю, как трудно тебе приходилось. Я прочла десятка два книг о том, через что приходится пройти, прежде чем стать врачом. Я всегда знала, какой груз лежит у тебя на плечах и сколько тебе приходится думать и беспокоиться.

– Ну, все-таки я бы могла приезжать и почаще, – проговорила Дженни.

Иногда она действительно могла бы приехать, но не делала этого, потому что не могла выносить молчаливого обвинения и укора, которые читала в грустных глазах матери; обвинения, тем более задевавшего ее, что оно ни разу не было высказано вслух: «Ты убила отца, Дженни. Ты разбила его сердце, и это его убило».

– И мама тоже всегда тобой очень гордилась, – сказала Лиза.

Это заявление не просто удивило Дженни. Оно потрясло ее.

– Мама всегда всем рассказывала, что ее дочь врач, – улыбнулась при воспоминании об этом Лиза. – Иногда мне казалось, что ее друзья по бридж-клубу выставят ее за дверь, если она скажет еще хоть слово о тебе, твоих хороших отметках и стипендиях.

– Ты это серьезно? – Дженни часто заморгала.

– Конечно серьезно.

– Но разве мама не...

– Не что? – переспросила Лиза.

– Ну... разве она никогда ничего не говорила о... об отце? Он умер двенадцать лет тому назад.

– Да, я знаю. Он умер, когда мне было два с половиной года. – Лиза наморщила лоб. – Но какое это имеет отношение?..

– Ты ни разу не слышала, чтобы мама винила меня?

– Винила тебя в чем?

Но прежде, чем Дженни успела ответить, Сноуфилд стал еще больше походить на погруженное в могильную тишину и спокойствие кладбище. В городе внезапно погасли все огни.

* * *

Три полицейские машины, сверкая красными мигалками, выехали из Санта-Миры и направились мимо погруженных в ночную темень и тишину холмов в сторону высоких гор Сьерры, склоны которых были сейчас залиты лунным светом.

За рулем самой первой машины в этой идущей на большой скорости колонне был Тал Уитмен, рядом с ним сидел шериф Хэммонд. На заднем сиденье расположились два помощника шерифа – Горди Брэгэн и Джейк Джонсон.

Горди был в состоянии панического страха.

Он знал, что внешне ничем не выдает этот страх, и радовался хотя бы этому. Внешне он производил впечатление человека, который вообще не умеет бояться. Он был высок, крупного телосложения, широк в кости и мускулист. Руки у него были большие, как у профессионального баскетболиста, и сильные. Казалось, он может одним щелчком прибить любого, кто станет ему досаждать. У него было довольно красивое лицо, и он это знал: женщины не раз говорили ему об этом. Но оно в то же время казалось грубым и мрачным, а тонкие губы придавали его рту жестокое выражение. Впечатление от его внешности лучше всех выразил Джейк Джонсон, сказавший как-то: «Горди, когда ты хмуришься, ты кажешься человеком, который ест на завтрак живых цыплят».

И все-таки, несмотря на столь свирепый внешний вид, Горди Брэгэн был сейчас панически напуган. Страх у него вызывала не опасность заразиться неизвестной болезнью или отравиться. Шериф перед выездом предупредил: есть вероятность того, что жителей Сноуфилда убили не микробы и не яды, но какие-то люди. И теперь Горди боялся, что впервые за все

восемнадцать месяцев службы в полиции ему придется воспользоваться оружием. Боялся, что придется стрелять в кого-нибудь, чтобы спасти свою жизнь, жизнь другого полицейского или потенциальной жертвы.

Он был уверен, что не сможет этого сделать.

Он открыл в себе эту опасную слабость пять месяцев назад, когда выезжал на вызов, поступивший из магазина спортивных принадлежностей Доннера. Здоровый парень по имени Лео Сайпс, бывший работник этого магазина, разозленный тем, что его оттуда выгнали, появился в магазин через две недели после увольнения, избил управляющего, сломал руку сотруднику, которого взяли на его место, и принялся крушить все вокруг. К тому моменту, когда Горди появился на месте происшествия, Лео Сайпс – высокий, тупой и пьяный – был занят тем, что топором, каким обычно пользуются лесорубы, бил и разносил вдребезги выставленные на прилавках товары. Уговорить его сдаться Горди не удалось. А когда Сайпс, размахивая топором, бросился на него самого, Горди вытащил револьвер. Тогда-то он и обнаружил, что не в состоянии заставить себя воспользоваться оружием. Указательный палец, которым надо было нажать на спуск, внезапно окаменел и перестал его слушаться. Горди пришлось засунуть оружие назад и пойти на риск рукопашной схватки с Сайпсом. Каким-то чудом ему удалось тогда отнять у этого балбеса топор.

Сейчас, пять месяцев спустя, Горди сидел на заднем сиденье патрульной машины, прислушивался краем уха к разговору Джейка Джонсона и шерифа Хэммонда, а живот у него сводило судорогой при одной мысли о том, что может причинить человеку полая внутри пуля сорок пятого калибра. Она в самом прямом смысле слова способна снести ему голову. Может превратить плечо в кашу из разорванных тканей и разбитых на длинные корявые иглы костей. Разворотить грудную полость, разметав на кусочки сердце и все, что попадет ей на пути. Оторвать ногу, если попадет в коленную чашечку, или превратить лицо человека в сплошное кровавое месиво. Горди Брэгэн, да поможет ему Всевышний, был просто-напросто не способен причинить кому бы то ни было подобные увечья.

В этом-то и заключалась его самая большая слабость. Он знал, что некоторые люди называли бы его неспособность выстрелить в другого человека не слабостью, но признаком морального превосходства. Он, однако, понимал и то, что такие рассуждения оказываются не всегда верны. Бывают ситуации, когда выстрелить в другого – это и значит совершить моральный поступок. Офицер полиции приносит присягу в том, что будет защищать людей. И если он не способен выстрелить, когда применение оружия явно оправданно и необходимо, то это уже не слабость, а слабоумие, пожалуй даже грех.

На протяжении последних пяти месяцев, после того случая в магазине спорттоваров, Горди везло. Ему пришлось всего несколько раз выезжать на вызовы, связанные с применением насилия. По счастью, ему удавалось смирять нарушителей угрозами, кулаками, дубинкой, на худой конец предупредительными выстрелами в воздух. Один раз, когда стрельба по преступнику была неизбежной, другой полицейский, Фрэнк Отри, выстрелил раньше и тем избавил Горди от непосильной задачи – нажать на спусковой крючок.

Но сейчас в Сноуфилде произошло что-то невообразимо страшное. А Горди хорошо знал по опыту, что насилию часто приходится противопоставлять встречное насилие.

Револьвер, болтавшийся в кобуре у него на бедре, весил, казалось, тысячу тонн.

Горди думал о том, что приближается момент, когда его слабость обнаружится и станет известна всем. Думал, что, возможно, сегодня ночью он погибнет, а быть может, его слабость станет причиной бессмысленной гибели кого-то еще.

Он истово молился про себя, чтобы суметь справиться с этим наваждением. Безусловно, должно существовать какое-то решение, позволяющее человеку быть по природе своей мирным, но при этом обладать достаточной силой воли и характера, чтобы суметь защитить самого себя, своих друзей и других людей – таких же, как он сам...

Сверкая ярко-красными мигалками, три бело-зеленые полицейские машины забирались по серпантину шоссе все выше в темные ночные горы, все ближе к самым их вершинам, блестящим под лунным светом так, что со стороны могло показаться, будто там, наверху, уже выпал первый в этом сезоне снег.

Горди Брогэн был в состоянии панического страха.

* * *

Уличные фонари и все другие огни погасли, и городок погрузился в кромешную тьму. Дженни и Лиза вскочили с деревянной скамейки.

– Что случилось?

– Тсс! – прервала ее Дженни. – Слушай!

Но вокруг стояла все та же абсолютная тишина.

Ветер затих, как будто тоже испугался наступившей в городке темноты. Лес молчал, и ветви деревьев висели неподвижно, как старая одежда в шкафу.

«Слава богу, что хоть луна светит», – подумала Дженни.

С колотящимся вовсю сердцем она обернулась и принялась внимательно рассматривать все, что их окружало. Полицейский участок. Небольшое кафе. Магазины. Жилые дома.

Тени лежали на входных дверях всех домов, настолько густые тени, что было невозможно сказать, открыты эти двери или закрыты – или именно в этот момент потихоньку открываются и выпускают на темные ночные улицы страшных, раздувшихся, каким-то дьявольским образом восставших мертвецов.

«Прекрати! – подумала Дженни. – Мертвецы не оживают».

Взгляд ее остановился на воротах крытого служебного проезда между полицейским участком и магазином сувениров. Проезд в точности напоминал тот мрачный узкий тоннель, что находился рядом с булочной Либерманов.

Не прячется ли что-нибудь и здесь тоже? И может быть, сейчас, когда погас свет, оно неумолимо подбирается там, внутри, поближе к воротам, готовясь выскочить прямо на темный тротуар.

Опять этот первобытный страх.

Это ощущение присутствия Зла.

Этот суеверный ужас.

– Пойдем, – сказала она Лизе.

– Куда?

– На улицу. Там на нас ничто не нападет...

– ...так, что мы его даже не увидим, – закончила, сразу все поняв, Лиза.

Они вышли на самую середину освещенной лунным светом мостовой.

– Сколько еще до приезда полиции? – спросила Лиза.

– Минут пятнадцать-двадцать, не меньше.

В этот момент во всем городке внезапно зажегся свет. Яркий электрический поток ослепил их – и тут же снова настала темнота.

Дженни подняла револьвер – растерянно, не зная, в какую сторону его направить.

В горле у нее будто застрял сухой комочек страха, рот мгновенно пересох.

Над всем Сноуфилдом пронесся вдруг громкий и ужасный, резкий и отвратительный вой.

Дженни и Лиза завопили от страха, резко обернулись, наткнувшись друг на друга, а затем принялись лихорадочно оглядываться по сторонам, пытаясь рассмотреть хоть что-нибудь во мраке, лишь чуть-чуть разбавленном лунным светом.

Опять наступила полная тишина.

Потом раздался такой же вой.

Снова тишина.

– Что это? – спросила Лиза.

– Пожарная сирена!

Звук раздался снова: короткое, разрывающее уши завывание, донесшееся с восточной стороны Сент-Морицуэй, оттуда, где располагалось депо добровольной пожарной дружины Сноуфилда.

Бам-м-м!

Дженни опять подскочила от неожиданности и обернулась.

Бам-м-м! Бам-м-м!

– Церковный колокол, – сказала Лиза.

– Это в католической церкви, в западной части Вейл-лейн.

Колокол прозвонил еще раз, и его громкий, глубокий и скорбный звук отозвался дребезжанием стекол во всех темных окнах погруженной во мрак Скайлайн-роуд, во всех не видных сестрам окнах по всему мертвому городку.

– Чтобы звонил колокол, кто-то должен тянуть за канат, – проговорила Лиза. – А чтобы завывала сирена, надо нажать кнопку. Так что кто-то здесь есть, кроме нас с тобой.

Дженни ничего ей не ответила.

Снова подавала голос сирена: взвыла и затихла, еще раз взвыла и затихла. Потом опять зазвонил колокол. Потом колокол и сирена зазвучали одновременно – и еще раз, еще и еще, как бы возвещая о пришествии кого-то чрезвычайно важного.

* * *

Ночной пейзаж в горах, по дороге на Сноуфилд, был выдержан исключительно в черных и серебристо-лунных тонах. Лес, чуть в отдалении от дороги, казался скоплением мрачных силуэтов и черных теней, среди которых в слабом лунном свете то здесь, то там не столько были видны, сколько угадывались белесые вкрапления листьев и иголок.

С этим пейзажем резко контрастировали кроваво-красные отблески вращающихся мигалок, установленных на крышах трех «фордов», надписи и гербы на передних дверцах которых свидетельствовали об их принадлежности полицейскому департаменту округа Санта-Мира.

Вторую машину вел помощник шерифа Фрэнк Отри; на переднем сиденье рядом с ним, ссутулившись и сползая вниз, сидел Стю Уоргл.

Фрэнк Отри был строен, жилист, с аккуратно подстриженными темными волосами, в которых уже проглядывала седина. Черты его лица были четки и экономны, словно в тот день, когда Бог создавал генетическую линию Фрэнка, он не был расположен что-либо тратить зря. Карие глаза под узкими, слегка изогнутыми бровями; узкий патрицианский нос; рот, не чересчур маленький, но и не слишком большой; небольшие уши, почти без мочек, плотно прижатые к голове. Усы Фрэнка были подстрижены и ухожены самым тщательнейшим образом.

Полицейскую форму он носил именно так, как предписывали правила: черные ботинки были начищены до зеркального блеска; складка на широких коричневых брюках заглажена как бритва; кожаный пояс и кобура вычищены и блестели от ланолина; коричневая сорочка всегда свежая и накрахмаленная.

– Мать его, это же нечестно, – пробурчал Стю Уоргл.

– Командиру необязательно быть честным. Достаточно, чтобы он был прав, – ответил Фрэнк.

– Это какому еще командиру? – раздраженным, ворчливым тоном спросил Уоргл.

– Шерифу Хэммонду. Ты же о нем говоришь?

– Я его командиром не считаю.

– И тем не менее он командир, – возразил Фрэнк.

– Сукин он сын, – проворчал Уоргл. – Готов меня со свету сжить.
Фрэнк ничего не ответил.

До того как он пришел на работу в полицию округа, Фрэнк Отри был профессиональным армейским офицером. В возрасте сорока четырех лет, после двадцати пяти лет безупречной службы в армии, он вышел в отставку и вернулся в Санта-Миру – городок, в котором родился и вырос. Он намеревался открыть здесь какое-нибудь небольшое дело, чтобы подрабатывать к пенсии и просто чем-то заниматься, но так и не смог подыскать ничего подходящего. Постепенно он стал осознавать, что для него не имеет смысла и не кажется привлекательной никакая работа, где нет необходимости носить форму, командовать и подчиняться, нет элементов физического риска и ощущения того, что, выполняя ее, ты служишь обществу. Три года назад, в сорокашестилетнем возрасте, он поступил на работу в полицию и, несмотря на то что здесь он был рядовым полицейским, а не майором, как в армии, с тех пор чувствовал себя счастливым.

Если точнее, то счастливым он себя чувствовал всегда, за исключением тех дней – обычно за месяц их набиралась неделя, – когда ему выпадало дежурить в паре со Стю Уорглом. Уоргл был невыносим. Фрэнк терпел его только потому, что оттачивал на нем свою способность сохранять хладнокровие и выдержку.

Уоргл был разгильдяем. Волосы у него нередко бывали грязные. Когда он брился, то всегда оставлял на лице островки невыбритой щетины. Форма на нем была вечно измятая, ботинки он вообще никогда не чистил. У него был слишком широкий зад, чересчур широкие бедра, и вообще весь он как-то неприятно расширился книзу.

Уоргл был тупицей. У него начисто отсутствовало чувство юмора. Он ничего не читал, ничего не знал, однако всегда имел непоколебимую точку зрения по любым вопросам текущей политической и общественной жизни.

Уоргл был ничтожеством. В свои сорок пять лет он все еще ковырял в носу, не смущаясь ничьим присутствием. Он мог с апломбом рыгать, выпускать газы, издавать другие неприличные звуки.

Не меняя своей раскоряченной позы, Уоргл произнес:

– Мое дежурство заканчивается в десять часов. В десять, черт побери! И Хэммонд поступил нечестно, что потащил меня в этот Сноуфилд. А у меня там уже все было на мази.

Фрэнк не клюнул на крючок и не спросил, с кем там у Уоргла намечалось свидание. Сосредоточившись на дороге, он продолжал вести машину, искренне надеясь, что Уоргл не станет рассказывать, кто это у него там «был на мази».

– Официанточка из этого ресторана, «Для тех, кто торопится», – проговорил Уоргл. – Возможно, ты ее видел. Такая блондиночка. Зовут Беатриса. Там ее кличут Бо.⁵

– Я туда редко заезжаю, – сказал Фрэнк.

– А-а. Да, так вот, мордашка у нее очень даже ничего. И все остальное тоже. В общем, фигурка что надо. Есть малость лишнего веса, но малость. А она считает, что слишком толстая и некрасивая. Неуверенная в себе, понимаешь? Если правильно подойти, если поиграть на ее сомнениях, понимаешь, а потом сказать ей, что ты ее все равно хочешь, пусть даже она немного и толстовата, – да она тогда все для тебя сделает. Все, понимаешь?

И он расхохотался, словно сказал что-то очень смешное.

Фрэнку захотелось врезать этому подонку по физиономии. Но он сдержался.

Уоргл был женоненавистником. Он обычно говорил о женщинах как о существах низших. Мысль о том, что с ними можно быть счастливыми, жить одной жизнью, делиться самыми сокровенными мыслями или же что женщину можно любить, лелеять, восхищаться ею, уважать, ценить за ее мудрость, прозорливость, чувство юмора, – подобные представления были абсолютно чужды Стю Уорглу.

---

⁵ Игра слов: «Веа» (англ.) – уменьшительное от «Беатрисы», но и «Красотка».

Фрэнк Отри, напротив, был вот уже двадцать шесть лет женат на своей симпатичной Рут. Он обожал ее. И хотя сознавал, что думать так – это проявление эгоизма, но иногда молился о том, чтобы ему выпало умереть первому и не пришлось бы жить без Рут.

– Этот Хэммонд, мать его, явно хочет меня допечь. Вечно он ко мне придирается.

– По поводу чего?

– Всего. И форма моя ему не нравится. И то, как я пишу донесения. Он мне тут заявил, что я должен изменить свое отношение к службе. Отношение мое ему, видишь ли, не нравится! Он меня хочет допечь, но ничего у него не выйдет. Еще пять лет оттрублю, и будет у меня тридцать лет выслуги и соответствующая пенсия, понимаешь? Не выйдет у этого сукина сына лишиться меня моей пенсии. Он меня из полиции не выживет!

Почти два года назад избиратели Санта-Миры проголосовали за то, чтобы ликвидировать свою городскую полицию, передав ее обязанности в городе департаменту окружного шерифа. Так они выразили доверие Брайсу Хэммонду, отлично поставившему работу полиции округа. Но при этом было выдвинуто одно условие: никто из бывших городских полицейских не должен лишиться ни работы, ни выслуги лет перед пенсией. Это означало, что все они должны были перейти на работу в полицию округа. Вот почему Брайс Хэммонд не мог избавиться от Стюарта Уоргла.

Они подъехали к повороту на Сноуфилд.

Фрэнк взглянул в зеркало заднего вида и увидел, что третья машина отделилась от колонны. Как они и договаривались, машина встала поперек дороги на Сноуфилд, заблокировав подъезд к городку.

Машина шерифа Хэммонда продолжала двигаться по направлению к Сноуфилду, и Фрэнк последовал за ней.

– А зачем, черт возьми, мы везем воду? – спросил Уоргл.

Три пятигаллонных канистры воды стояли на полу машины вдоль заднего сиденья.

– Вода в Сноуфилде может быть заражена, – ответил Фрэнк.

– А для чего мы набили полный багажник еды?

– Возможно, продукты там тоже нельзя использовать.

– Не верю, что там все вымерли.

– Шериф не смог дозвониться в наш участок Полу Хендерсону.

– Ну и что? Пол Хендерсон подонок.

– Докторша, которая оттуда звонила, сказала, что Пол Хендерсон мертв, как и все остальные...

– О господи, да эта докторша чокнутая или наклюкалась. Да и какая она докторша? Чтобы женщина была врачом?! Она, наверное, только через постель всего этого и добилась.

– Что?!

– Ни одна баба не способна честно выучиться на доктора!

– Уоргл, ты не перестаешь меня удивлять.

– А чем я тебе-то на хвост наступил? – спросил Уоргл.

– Ладно. Оставим это.

Уоргл рыгнул.

– Я все-таки не верю, что все они там померли.

Еще одним недостатком Стю Уоргла было полное отсутствие воображения.

– Дерьмо. Сплошное дерьмо. А у меня там уже все было на мази.

Фрэнк Отри, напротив, был наделен очень хорошим воображением. Возможно, даже слишком хорошим. И сейчас, когда они поднимались все выше в горы и уже проехали знак «ДО СНОУФИЛДА – 3 МИЛИ», его воображение работало, как хорошо смазанная машина. У него было очень неприятное ощущение – предчувствие? подозрение? – что они въезжают прямиком в ад.

* * *

Сирена на пожарном депо взывала снова.

Церковный колокол зазвонил все чаще и чаще.

Городок захлестнула оглушительная какофония.

– Дженни! – закричала Лиза.

– Смотри во все глаза! Следы, нет ли какого движения!

Но улицу заполняли, переплетаясь друг с другом, тысячи мрачных теней, и разглядеть среди них что-либо не было никакой возможности.

Непрерывно выла сирена, отчаянно трезвонил колокол, и в довершение всего в городке замигал свет. Уличные фонари, освещение в домах и витринах магазинов – все это стало включаться и выключаться с такой скоростью, что от непрерывных вспышек закружилось и замельтешило в глазах. Скайлайн-роуд замелькала, как кадры в кино: дома словно бы подпрыгнули ближе к улице, потом отскочили обратно, снова скакнули вперед; тени заплясали как сумасшедшие.

Дженни, держа револьвер прямо перед собой, повернулась и сделала полный оборот.

Но если что-то и подбиралось к ним под прикрытием этой светлой свистопляски, то разглядеть она все равно ничего не смогла бы.

«А что, если, когда шериф придет, – подумала Дженни, – он обнаружит посередине улицы лишь две отрезанные головы? Мою и Лизы».

Церковный колокол звонил непрерывно, и гул его становился все громче и громче.

Вой сирены становился все выше, от него сводило скулы, начинали болеть зубы и ныть кости. Казалось чудом, что до сих пор от него не разлетелось ни одно окно.

Лиза зажала уши руками.

Револьвер в руке у Дженни прыгал во все стороны. Держать его неподвижно у нее не было сил.

Все прекратилось так же внезапно, как началось. Смолкла сирена. Перестал гудеть колокол. Освещение зажглось и уже больше не гасло.

Дженни быстро пробежала взглядом по улице, ожидая, что сейчас должно произойти что-то еще.

Но ничего не случилось.

В городке опять все было тихо и спокойно, как на кладбище.

Неизвестно откуда снова налетел ветерок, и деревья дружно и ритмично закачались, словно пританцовывая под музыку эфира, недоступную обычному человеческому слуху.

Лиза потрясла головой, словно стряхивая с себя какое-то наваждение, и сказала:

– Такое впечатление, будто... нас пытались напугать, понарошку... дразнили нас.

– Да, дразнили, – согласилась Дженни. – И у меня тоже было такое впечатление.

– Играли с нами.

– Как кошка с мышкой, – тихо добавила Дженни.

Они стояли посередине погруженной в тишину улицы и не двигались с места, боясь, что, если опять сядут на скамейку возле полицейского участка, это может снова вызвать колольно-сиренную какофонию.

И тут они услышали низкий рокот. На какое-то мгновение желудок у Дженни судорожно сжался, и она снова подняла револьвер, хотя и не видела вокруг себя ничего такого, по чему требовалось бы стрелять. Потом она поняла, что это за звук: так шумит мотор круто поднимающейся в гору машины.

Она обернулась и стала смотреть вдоль улицы. Шум моторов становился все сильнее. И вот из-за поворота у самого въезда в городок появилась машина.

На крыше у нее сверкали красные мигалки. Значит, полиция. За первой полицейской машиной шла еще одна.

– Слава богу! – воскликнула Лиза.

Дженни взяла сестру под руку, они отошли с мостовой на тротуар и встали перед полицейским участком.

Две бело-зеленые патрульные машины медленно проехали по пустынной улице и остановились под углом к тротуару прямо напротив деревянной скамьи. Их двигатели смолкли одновременно, и над всем Сноуфилдом снова повисла ночная тишина, так похожая на кладбищенское молчание.

Из первой машины вышел довольно красивый негр в форме помощника шерифа. Дверцу он оставил открытой. Он посмотрел на Дженни и Лизу, но ничего не сказал им: его внимание сразу же привлекла сверхъестественно тихая улица, на которой не было видно ни одного человека.

С другой стороны этой же машины, с переднего сиденья, выбрался еще один полицейский. Его песочного цвета волосы были растрепаны, глаза из-под тяжелых век смотрели так, что казалось, он вот-вот уснет. Он был не в форме – серые широкие брюки, бледно-голубая рубашка, темно-синий нейлоновый пиджак, – но к пиджаку был приколот полицейский знак.

Из подъехавших машин вышли еще четверо. Все долго стояли молча, не говоря ни слова, скользя взглядом по притихшей улице, домам и магазинам.

И пока ничто не нарушало это странно затянувшееся молчание, у Дженни возникло ледящее душу предчувствие, к которому она отказывалась прислушаться. Она была уверена – она чувствовала, нет, знала наверняка, – что не все из них выберутся отсюда живыми.

Глава 11

Рекогносцировка

Брайс опустился на одно колено рядом с телом Пола Хендерсона.

Остальные семеро – его подчиненные, доктор Пэйдж и Лиза – сгрудились перед деревянной загородкой полицейского участка Сноуфилда. Перед лицом смерти все молчали.

Пол Хендерсон был при жизни хорошим и добропорядочным человеком, и смерть его казалась всем бессмысленной и ужасной.

– Доктор Пэйдж? – позвал Брайс.

Она присела на корточки возле трупа.

– Да?

– Вы не переворачивали тело?

– Я к нему даже не прикасалась, шериф.

– Крови не было?

– Все было так, как вы видите. Никакой крови.

– Рана может быть на спине, – сказал Брайс.

– Даже если она там, на полу все равно должна быть кровь.

– Наверное. – Он посмотрел прямо в ее удивительные глаза – зеленые с золотыми крапинками. – При других обстоятельствах я бы не стал трогать тело до приезда коронера. Но это особый случай. Надо его перевернуть.

– Не знаю, вполне ли безопасно дотрагиваться до него.

– Кому-то же придется это сделать, – ответил Брайс.

Доктор Пэйдж поднялась, и все отступили на пару шагов назад.

Брайс приложил руку к багрово-черному, искаженному лицу Хендерсона.

– Кожа еще немного теплая, – удивленно произнес он.

– Мне кажется, они все умерли очень недавно, – сказала доктор Пэйдж.

– Но тело не может изменить цвет и вздуться всего за какие-то два часа, – проговорил Тал Уитмен.

– И тем не менее с этими телами именно так и произошло, – ответила доктор.

Брайс перевернул труп спиной вверх. Никакой раны.

Полагая, что на черепе может быть повреждение, Брайс запустил пальцы в густые волосы покойного и ощупал кости головы. Если его кто-то ударил по голове сзади... Но нет, эта версия тоже не годилась. Череп был совершенно цел.

Брайс поднялся на ноги.

– Доктор, эти две отрезанные головы, о которых вы говорили... Может быть, пойдем посмотрим на них?

– А не мог бы кто-нибудь из ваших людей остаться здесь с моей сестрой?

– Я понимаю ваши чувства, – ответил Брайс. – Но, по-моему, мне лучше не разбивать своих людей. Возможно, числом здесь не возьмешь, а с другой стороны, всем вместе как-то безопаснее.

– Ничего, я пойду, – заверила сестру Лиза. – Я бы все равно здесь не осталась.

Смелая девочка. Она и ее старшая сестра с самого начала заинтересовали Брайса Хэммонда. Обе были бледны, в их глазах еще читались пережитые ими потрясение, страх и ужас, но обе держались намного лучше, чем абсолютное большинство людей на их месте – в условиях столь странных, неожиданных, кошмарных.

Они вышли из полицейского участка, и сестры повели всю группу к булочной.

Брайсу почти не верилось, что всего несколько часов назад Сноуфилд был еще обычным, занятым своими повседневными делами городком. Сейчас он напоминал какой-нибудь давно

уже мертвый, выжженный временем и иссушенный ветрами древний город, затерянный где-то в пустыне на самом краю света, куда уже и ветер-то стал забывать дорогу. Казалось, что окутавшая все тишина висит здесь уже бесчисленное число лет, десятилетий, веков, что прошла невообразимая череда эпох, не слышавших здесь ничего, кроме этой тишины.

Вскоре после того, как они приехали в Сноуфилд, Брайс включил сирену на одной из полицейских машин в надежде, что хоть кто-то отзовется на нее из молчавших домов. Сейчас ему уже начинало казаться нелепым, что он всерьез ожидал тогда какого-то ответа.

Они вошли в булочную Либерманов с улицы, через основную дверь, и прошли прямо в тыльную часть дома, на кухню.

На разделочном конце длинного стола две оторванные кисти все так же сжимали ручки скалки.

Две отрезанные головы смотрели на них сквозь стекла в дверцах плит.

– О господи! – тихо проговорил Тал.

Брайса передернуло.

Джейк Джонсон, которому явно необходимо было на что-то опереться, прислонился к высокому белому шкафу.

– Боже, их же забили, как обычную скотину, – произнес Уоргл, и все заговорили разом.

– ...за каким чертом кому-то понадобилось...

– ...больные, ненормальные...

– ...а тела-то где?

– Да, – сказал Брайс, повышая голос, чтобы перекрыть говоривших, – действительно, где же тела? Давайте-ка их поищем.

Несколько мгновений никто не двигался с места. Все словно застыли при одной мысли о том, что они могут обнаружить.

– Доктор Пэйдж, Лиза, вам незачем помогать нам в поисках, – сказал Брайс. – Обождите где-нибудь в сторонке.

Дженни кивнула. Лиза благодарно улыбнулась.

С внутренним трепетом они обыскали все шкафы, осмотрели все ящики, заглянули за каждую дверь. Горди Бругэн посмотрел в самой большой печи, в дверце которой не было стекла, а Фрэнк Отри зашел в холодильник. Брайс проверил маленькую, безукоризненно чистую уборную. Но они не нашли ни тел Либерманов, ни хотя бы отдельных их частей.

– Зачем, интересно, убийцам понадобилось увозить тела? – спросил Фрэнк.

– Быть может, это последователи какого-нибудь культа, – предположил Джейк Джонсон. – И тела им нужны были для ритуала.

– Если какой-то ритуал и состоялся, – возразил Фрэнк, – то, по-моему, его провели прямо здесь.

Горди Бругэн, махая рукой, чтобы ему освободили дорогу, на подкашивающихся ногах устремился к туалету. В этот момент он казался долговым и нескладным подростком, который весь состоит из локтей, коленок, длинных рук и длинных ног. Он захлопнул за собой дверь, и из туалета донеслись звуки, свидетельствовавшие, что его рвало.

– Господи, ну и дурачок! – захохотал Стю Уоргл.

– Что в этом такого смешного, Уоргл? – Брайс резко повернулся к нему и нахмурился. – Здесь трупы. По-моему, реакция Горди куда более естественна, чем реакция любого из нас.

Лицо Уоргла, с маленькими поросычьими глазками и тяжелым подбородком, потемнело от злости – он был органически не способен испытать неловкость.

«Боже, до чего же презренный тип», – подумал Брайс.

Со смущенным видом вернулся Горди.

– Извините, шериф.

– Не за что извиняться, Горди.

Все вместе они прошли через кухню, через торговый зал и вышли на тротуар.

Брайс тут же подошел к деревянным воротам, висевшим между булочной и соседним магазином, и стал пристально всматриваться поверх них в неосвещенный крытый проезд. Доктор Пэйдж подошла и встала рядом с ним.

– Это вот здесь вам показалось, что что-то было под стропилами? – спросил он.

– Ну, Лиза считает, что оно сидело внизу, у стены.

– Но это было в этом проезде?

– Да.

Брайс взял у Тала длинный электрический фонарь, открыл заскрипевшие ворота, вытащил из кобуры револьвер и вошел внутрь. Тут ощущался слабый запах сырости. Звук шагов шерифа улетал эхом вперед по тоннелю.

Луч фонаря был мощным, он доставал до середины проезда и даже немного дальше. Но Брайс не направлял его так далеко: он поводил фонарем вокруг себя, осмотрел бетонные стены, потом направил луч наверх, на крышу, что была футом в восьми или десяти у него над головой. По крайней мере в этой части проезда на стропилах никого и ничего не было.

С каждым следующим шагом Брайс утверждался в мысли, что вытаскивать из кобуры револьвер было вовсе незачем, – пока не дошел почти до середины тоннеля. И тут он внезапно ощутил... нечто странное... звон в ушах, покалывание в теле, холодную, что-то предвещающую дрожь в позвоночнике. Почувствовал, что он здесь уже не один.

Брайс был из тех, кто привык доверять своей интуиции, и потому он не отмел свои ощущения в сторону. Он остановился, поднял револьвер, еще внимательнее, чем прежде, вслушался в тишину, быстро провел лучом фонаря по стенам и крыше, особенно сосредоточив внимание на стропилах, всмотрелся в темноту впереди себя, стараясь различить все, что можно, почти до самого конца тоннеля, и даже бросил взгляд назад, чтобы проверить, не подкрался ли кто-нибудь к нему таинственным образом оттуда. В темном проезде ничего не было. И тем не менее у него оставалось ощущение, что за ним наблюдают чьи-то враждебные глаза.

Он снова двинулся вперед, и тут луч его фонаря выхватил что-то из темноты. В полу было сделано канализационное отверстие размером примерно в квадратный фут, накрытое сверху металлической решеткой. Под этой решеткой что-то несомненно блестело, отражая луч фонаря; и оно двигалось.

Брайс осторожно подошел поближе и направил фонарь прямо под решетку. То, что мгновение назад там сверкнуло, теперь исчезло.

Он присел возле отверстия на корточки и стал всматриваться между прутьями решетки вглубь. Но в луче света видны были только стенки трубы. Это был обычный водосток для дождя, диаметром около восемнадцати дюймов, внутри совершенно сухой; а значит, то, что он увидел, не могло быть просто отблеском от поверхности воды.

Крыса? В Сноуфилд приезжала на отдых относительно состоятельная публика, и поэтому городок тщательно следил за тем, чтобы на его территории не было ни крыс, ни всяких прочих паразитов. Но, естественно, несмотря на самые строгие меры, полностью исключить возможность появления здесь парочки-другой крыс было нельзя. То, что он видел, в принципе вполне могло быть и крысой. Но Брайс был убежден, что в данном случае это была не крыса.

Он прошел дальше, до самого выхода из проезда на аллею, потом тем же путем вернулся назад к воротам, где его ждали Тал и все остальные.

– Видели что-нибудь? – спросил Тал.

– Не очень много, – ответил Брайс, выходя на тротуар и закрывая за собой ворота. Он рассказал им о том, как у него возникло ощущение, будто за ним наблюдали, и о том, что он видел возле решетки водостока.

– Вряд ли убийцей Либерманов могло быть что-то настолько маленькое, чтобы забраться под решетку, – проговорил Фрэнк Отри.

– Это, пожалуй, верно, – согласился Брайс.

– Но вы почувствовали, что там действительно что-то было? – встревоженно спросила Лиза.

– Я действительно что-то почувствовал, – ответил ей Брайс. – Правда, у меня это ощущение было не таким сильным, каким оно, судя по всему, было у вас. Но там явно было что-то... странное.

– Очень хорошо, – сказала Лиза. – Я рада, что вы, по крайней мере, не будете считать нас обычными истеричками.

– Если вспомнить, что вам пришлось здесь пережить, то вы обе поразительно неистеричны.

– Ну, Дженни врач, – проговорила девочка, – и я тоже, наверное, стану когда-нибудь врачом. А врачи не могут позволить себе впадать в истерики.

Милая и умная девочка; однако Брайс не мог про себя не отметить, что ее сестра все же красивее. У обеих были рыжеватые волосы, густые и блестящие, очень своеобразного оттенка: как будто темно-красные с переходом в коричневый, цвета хорошо отполированного вишневого дерева, очень красивые. У обеих была золотистого цвета кожа. Но черты лица и весь облик доктора Пэйдж были более зрелыми и законченными, чем у Лизы, и потому она казалась Брайсу более интересной и привлекательной. И глаза у нее были чуть зеленее, чем у ее младшей сестры.

– Доктор Пэйдж, я бы хотел посмотреть тот дом, где баррикада, – сказал Брайс.

– Да, – поддержал Тал. – Где было убийство в запертой комнате.

– Это в доме Оксли, на Вейл-лейн. – И она повела их по улице к перекрестку Вейл-лейн и Скайлайн-роуд.

Сухое шуршание их шагов было единственным звуком, который раздавался на темной улице, и Брайсу опять пришли на ум мысли о пустынях, о затерянных там могильниках и о скарабеех, деловито снующих в кипах странных хрупких свитков папируса.

Свернув за угол на Вейл-лейн, доктор Пэйдж приостановилась и сказала:

– Том и Карен Оксли живут... э-э... жили в двух кварталах отсюда, дальше по этой улице.

Брайс посмотрел вперед, подумал немного и проговорил:

– Вместо того чтобы идти прямо к дому Оксли, давайте-ка осмотрим все подряд дома и магазины отсюда и до их дома, хотя бы по этой стороне улицы. Мне думается, что без особого риска для себя мы вполне можем разделиться на две группы, по четыре человека в каждой. Мы все будем двигаться, в общем-то, в одном и том же направлении и будем недалеко друг от друга, так что в случае чего сможем прийти на помощь. Доктор Пэйдж и Лиза, вы будете вместе со мной и Талом. Фрэнк, вы старший во второй группе.

Фрэнк кивнул.

– Держитесь все четверо вместе, – предупредил их Брайс. – В полном смысле слова вместе. Чтобы каждый из вас постоянно видел трех других. Понятно?

– Да, шериф, – ответил Фрэнк Отри.

– Хорошо. Значит, вы четверо осмотрите первый дом сразу же за этим вот рестораном, а мы заглянем в следующий. Пройдем так по всей улице, а в конце квартала встретимся и сравним впечатления. Если обнаружите что-нибудь необычное, а не просто очередные трупы, позовите меня. Если потребует помощь, сделайте два-три выстрела. Мы услышим, даже если будем в это время внутри дома. И прислушивайтесь, не стреляем ли мы.

– Можно мне кое-что сказать? – спросила доктор Пэйдж.

– Конечно, – ответил Брайс.

Она обратилась к Фрэнку Отри:

– Если вам попадутся тела, у которых что-то текло из глаз, ушей, носа или рта, немедленно дайте мне знать. И то же самое, если будут признаки рвоты или поноса.

– Это может свидетельствовать о какой-нибудь инфекции? – спросил Брайс.

– Да, – ответила она. – Или об отравлении.

– Но ведь мы это исключили, – сказал Горди Бругэн.

Джейк Джонсон, который сейчас выглядел гораздо старше своих пятидесяти семи лет, проговорил:

– Те головы отрезала не болезнь.

– Я думала об этом, – сказала доктор Пэйдж. – Но что, если это какая-то болезнь или ядовитое вещество, с которыми мы еще никогда не встречались, и оно одних людей просто убивает, а у других вызывает что-то вроде бешенства, острого помешательства? А эти помешавшиеся уже начинают убивать других людей?

– А тут возможно что-то подобное? – спросил Тал Уитмен.

– Нет. Но, с другой стороны, не поручусь, что невозможно. И, кроме того, кто вообще может сказать, что тут вероятно или невероятно? Разве мог кто-нибудь раньше предположить, что в Сноуфилде произойдет то, что здесь случилось?

Фрэнк Отри подергал себя за усы и спросил:

– Но если здесь были толпы буйнопомешанных, то... где же они сейчас?

Все посмотрели на тихую и неподвижную улицу, на глубокие тени, пролежавшие по тротуарам, лужайкам, автомобилям. Посмотрели на неосвещенные окна чердаков и такие же темные окна первых этажей.

– Прячутся, – предположил Уоргл.

– Выжидают, – сказал Горди Бругэн.

– Нет, это явная чепуха, – проговорил Брайс. – Буйнопомешанные не стали бы прятаться, выжидать и замышлять что-то. Они бы на нас просто напали.

– Никакие это не буйнопомешанные, – тихонько произнесла Лиза. – Это что-то гораздо более странное.

– Возможно, она права, – согласилась доктор Пэйдж.

– И мне от этого почему-то не легче, – заметил Тал.

– В общем, если мы найдем какие-нибудь признаки поноса, рвоты или каких-то выделений, то сможем делать выводы, – сказал Брайс. – А если не найдем...

– Тогда мне придется предложить какое-то другое объяснение, – закончила доктор Пэйдж.

Они немного помолчали, стоя неподвижно и не торопясь начинать осмотр, потому что не знали, что они могут найти – или что может найти их.

Им казалось, что время остановилось.

«Если мы не сдвинемся с места, – подумал Брайс Хэммонд, – то так никогда и не рассветет».

– Пошли, – сказал он.

* * *

Самый первый дом оказался узким и сильно вытянутым в глубину. На первом этаже его располагалась небольшая художественная галерея, служившая одновременно и магазинчиком произведений прикладного искусства и кустарных промыслов. Фрэнк Отри выбил одно из замысловатых окошечек, украшавших входную дверь, просунул туда руку, дотянулся до замка и открыл его. Потом вошел внутрь и включил свет.

Показав жестом, чтобы остальные следовали за ним, он сказал:

– Рассредоточьтесь. Не держитесь слишком близко друг к другу. Чтобы нас не накрыло всех сразу.

Произнося эти слова, Фрэнк вспомнил те два срока, что почти двадцать лет назад он прослужил во Вьетнаме. Сегодняшние поиски очень напомнили ему тогдашние антипартизанские операции: такое же невероятное напряжение нервов.

Крадучись, они осторожно прошли через картинную галерею, но никого не обнаружили. Никого не было и в небольшом кабинете позади демонстрационного зала. Но одна из дверей кабинета открывалась на лестницу, которая вела на второй этаж.

По лестнице они поднимались, как военная штурмовая группа. Первым, с оружием наготове, шел Фрэнк; остальные следили за ним, ожидая внизу. Он нащупал наверху выключатель, включил свет и понял, что находится в квартире владельца галереи, в самом углу гостиной. Убедившись, что в этой комнате никого нет, он дал знак остальным двигаться тоже. Когда все поднялись, Фрэнк прошел вглубь гостиной, стараясь держаться поближе к стене и внимательно глядя по сторонам.

Они обыскали всю квартиру, беря каждую дверь приступом, так, словно за ней их поджидал вооруженный, готовый к нападению противник. В небольшой комнатке и в столовой никого не было. Никто не прятался и в стеллажных шкафах.

Но в кухне на полу они наткнулись на мертвого мужчину. На нем были только голубые пижамные брюки, а его посиневшее и распухшее тело лежало так, что не давало закрыться дверце холодильника. Никаких ран на теле видно не было. Как не было и выражения ужаса на лице. Он явно умер совершенно внезапно, не успев даже мельком увидеть своего убийцу и осознать, что смерть подстерегает его совсем рядом. В момент смерти он был занят тем, что делал себе бутерброд: об этом свидетельствовали разбросанные по полу разбитая баночка с горчицей, пакетик салями, частично раздавленный помидор, пакетик «Швейцарского» сыра.

– Его-то уж, конечно, не болезнь убила, – с чувством произнес Джейк Джонсон. – Какой же он был больной, если собирался съесть бутерброд с колбасой?

– И все произошло очень быстро, – добавил Горди. – Руки у него были заняты тем, что он достал из холодильника, и, когда он поворачивался назад... вот тогда все и случилось. Просто чик – и готово.

В спальне они обнаружили еще один труп. Женщина лежала в постели совершенно обнаженная. По возрасту ей было что-нибудь между двадцатью и сорока годами: точнее определить было трудно, потому что тело тоже посинело и вздулось. Лицо ее искажала гримаса ужаса, точь-в-точь как лицо Пола Хендерсона. В момент смерти она кричала.

Джейк Джонсон достал из кармана рубашки авторучку и продел ее в петлю спускового крючка пистолета двадцать второго калибра, который лежал на смятых простынях рядом с телом.

– Думаю, можно с ним не осторожничать, – сказал Фрэнк. – Ее не застрелили. Ран нет, и крови тоже нет. Если кто-то и пользовался этим пистолетом, то она сама. Дай-ка я взгляну.

Он взял у Джейка пистолет и вынул обойму. Она была пуста. Он оттянул затвор, направил пистолет на прикроватную лампу и заглянул в ствол: патрона в патроннике не было. Он поднес ствол к носу и, понюхав, почувствовал запах сгоревшего пороха.

– Стреляли недавно? – спросил Джейк.

– Совсем недавно. Если обойма была полная, когда она начала стрелять, то, значит, она сделала десять выстрелов.

– Смотри сюда, – сказал Уоргл.

Фрэнк повернулся и увидел, что Уоргл показывает на дырку от пули в стене напротив кровати. Дырка была на высоте примерно семи футов.

– Вот еще одна, – проговорил Горди Брэгэн, показывая на другую пулю, застрявшую в высоком, на ножках, комоде из темной сосны.

На кровати и вокруг нее они нашли десять латунных стреляных гильз, но следов от восьми других пуль обнаружить нигде не смогли.

– Не может же быть, чтобы она восемь раз попала в того, в кого стреляла? – спросил Горди Фрэнк.

– Господи, ну конечно нет, – вмешался Уоргл, поправляя на своих толстых бедрах ремень с кобурой. – Если бы она попала в кого-нибудь восемь раз, в этой комнате был бы не один труп, черт возьми.

– Верно, – проговорил Фрэнк, хотя ему крайне не хотелось хоть в чем-то соглашаться со Стю Уорглом. – А кроме того, нет крови. При восьми попаданиях ее бы тут было полно.

Уоргл подошел к изножью кровати и посмотрел на мертвую женщину. Она полулежала на двух пышных подушках, ноги у нее были широко расставлены, и вся сцена напоминала карикатуру на ожидание любовных ласк.

– Тот парень, которого мы видели на кухне, должно быть, потрахался здесь с этой красоткой, – сказал Уоргл, – а потом пошел малость подкрепиться. Когда он ушел, кто-то вошел сюда и убил ее.

– Человека на кухне убили первым, – возразил Фрэнк. – Его никак не застали бы врасплох, если бы напали на него после того, как она здесь десять раз подряд выстрелила.

– Черт, хотел бы я весь день проваляться в постели с такой бабой, – проговорил Уоргл. Фрэнк изумленно уставился на него.

– Ну и мерзкий же ты тип, Уоргл! Тебя что, даже раздувшийся труп заводит – был бы только голый?

Уоргл покраснел и отвернулся от покойницы.

– Чего это ты, Фрэнк? Ты меня что, за извращенца держишь? Ничего подобного. Просто я посмотрел на эту карточку. – Он показал на фотографию в серебряной рамке, стоявшую на тумбочке, рядом с лампой. – Смотри, она там в бикини. Видишь, какая красотка? А сиськи какие здоровые! И ножки тоже отличные. Вот что меня завело, приятель.

Фрэнк покачал головой:

– Я поражен, что тебя вообще что-то может завести посреди всего этого, посреди смерти. Уоргл решил, что это комплимент, и подмигнул, довольный.

«Если выберусь отсюда живым, – подумал Фрэнк, – никогда больше не позволю Брайсу Хэммонду ставить меня в пару с Уорглом. Лучше уволюсь».

– Как могло получиться, – проговорил Горди Брэгэн, – что она попала восемь раз в цель и тем не менее не смогла остановить нападавшего? И почему нет ни одной капли крови?

Джейк Джонсон запустил ладонь в свои седые волосы.

– Этого я не знаю, Горди. Я знаю только одно: мне бы очень хотелось оказаться подальше от этого места и никогда здесь не появляться.

* * *

Рядом с художественной галереей стояло симпатичное двухэтажное здание, на вывеске которого было написано:

БРУКХАРТ
ПИВО ВИНО ЛИКЕРЫ • ТАБАК
ЖУРНАЛЫ ГАЗЕТЫ КНИГИ

Свет в доме горел, входная дверь была не заперта. Магазин Брукхарта даже в несезонный период и даже по воскресеньям торговал до девяти вечера.

Брайс вошел первым, за ним Дженнифер и Лиза Пэйдж, Тал был последним. В опасных ситуациях, когда надо было, чтобы кто-то прикрывал со спины, Брайс всегда предпочитал Тала Уитмена. Никому не доверял он в такой мере, как Талу. Даже Фрэнку Отри.

Магазин Брукхарта был суматошным местом, но на удивление приятным и теплым. Здесь размещались высокие холодильники со стеклянными дверцами, забитые банками и бутылками с пивом. На полках, стеллажах и деревянных ларях в изобилии стояли бутылки с винами и ликерами. Другие стеллажи были до отказа заполнены книжками в мягких обложках, журналами и газетами. Лежали коробки с сигарами, пачки сигарет, на нескольких прилавках в невероятных количествах стояли металлические коробки с трубочным табаком. Многие товары просто приткнуты там, где оставалось еще хоть немного свободного места: шоколадки, жевательная резинка, пакетики с орешками, попкорн, картофельные и кукурузные чипсы, мексиканские кукурузные лепешки...

Брайс первым двинулся через пустой магазин, проверяя, нет ли трупов между прилавками и за ними. Трупов не было.

На полу, однако, стояла большая, в полмагазина, и глубокая, почти в целый дюйм глубокой, лужа воды. Они осторожно обошли ее сбоку.

– Откуда здесь взялось столько воды? – удивилась Лиза.

– Наверное, натекло из-под одного из холодильников с пивом, – предположил Тал Уитмен.

Они обошли вокруг винного прилавка и тщательно осмотрели все шкафы-холодильники. Их моторы мягко гудели, воды возле них не было.

– Может быть, водопровод протекает? – спросила Дженнифер Пэйдж.

Они продолжили осмотр, спустились в погреб, который использовался как склад для картонных коробок с вином и пивом, потом поднялись на второй этаж, где прямо над магазином располагался небольшой офис. Но ничего необычного нигде не увидели.

Когда они снова вернулись в торговый зал и уже направлялись к выходу, Брайс вдруг остановился возле лужи, присел на корточки и стал ее внимательно разглядывать. Он сунул в лужу палец: на ощупь это была обычная вода, никакого запаха у нее не было.

– Что такое? – спросил Тал.

– Все-таки странно: откуда здесь эта вода? – ответил, вставая, Брайс.

– Скорее всего, доктор Пэйдж права: где-то протек водопровод, – сказал Тал.

Брайс кивнул. Ему, однако, по-прежнему казалось, что в этой большой луже есть какой-то смысл – хотя он и не мог бы объяснить, чем вызвано это ощущение.

* * *

Аптека Тэйтона, очень небольшая, обслуживала Сноуфилд и все прилегающие к нему горные поселки и деревушки. Квартира владельца, располагавшаяся прямо над аптекой, занимала два этажа. Отделана она была в кремовых и персиковых тонах, с вкраплениями изумрудно-зеленого, и была буквально набита отличным антиквариатом.

Фрэнк Отри провел свою группу через все здание: ничего достойного внимания они не обнаружили. Только ковер в гостиной был почему-то мокрым. Причем мокрым в самом прямом смысле слова: он хлюпал у них под ногами.

* * *

Гостиница «При свечах» просто излучала очарование и уют, с некоторой долей претензии на аристократизм: нижняя часть высокой крыши большим козырьком нависала над стенами, карнизы были украшены затейливой резьбой, окна в частых переплетах, а по бокам красовались белые резные ставни. По обе стороны от входа на каменных пилястрах были установлены старинные каретные фонари, а между ними шла короткая, выложенная камнем дорожка. Фасад

гостиницы освещали три небольших прожектора, отбрасывавших на него расходящиеся конусом лучи.

Дженни, Лиза, шериф и лейтенант Уитмен остановились на тротуаре возле гостиницы, и Хэммонд спросил:

– Они работают в это время года?

– Да, – ответила Дженни. – Здесь даже в несезонное время половина номеров всегда занята. У них очень хорошая репутация среди знающих толк туристов. Да и номеров-то в гостинице всего шестнадцать.

– Ну что ж... давайте заглянем.

Входные двери вели в маленький, со вкусом обставленный и отделанный вестибюль: дубовый пол, темный, восточной работы ковер, светло-бежевые диваны, пара кресел в стиле королевы Анны, обитых розовой тканью, несколько столиков из вишневого дерева, бронзовые лампы.

Место дежурного администратора находилось справа от входа. На деревянной стойке был укреплен колокольчик. Дженни несколько раз подряд ударила по нему без всякой надежды, что кто-нибудь отзовется. Никто и не отозвался.

– Там, за конторкой, квартира Дэна и Сильвии, – сказала Дженни, показывая на расположенное за стойкой довольно тесное помещение.

– Это владельцы гостиницы? – спросил шериф.

– Да. Дэн и Сильвия Канарски.

Шериф молча посмотрел на нее, потом спросил:

– Ваши друзья?

– Да. Близкие друзья.

– Тогда, пожалуй, мы в их квартиру лучше заходить не будем, – сказал он.

Его голубые глаза под тяжелыми веками светились теплотой, симпатией и сочувствием. Дженни удивилась, осознав вдруг, что у него интеллигентное и доброе лицо. Наблюдая за его работой на протяжении последнего часа, она уже начала постепенно понимать, что на самом деле он гораздо более энергичный, зоркий и знающий свое дело человек, чем кажется с первого взгляда. Сейчас, глядя в его умные, полные сострадания глаза, она поняла, что шериф – человек проникательный, интересный, а как противник – еще и грозный.

– Не можем же мы просто уйти, – сказала она. – Рано или поздно все равно придется обыскать весь дом. Весь городок надо осмотреть. Так что давайте уж зайдем и в гостиницу, чтобы она на нас не висела.

Она подняла барьер в деревянной загородке и стала открывать дверцу, которая вела в конторку.

– Пожалуйста, доктор, – остановил ее шериф, – всегда пропускайте первым меня или лейтенанта Уитмена.

Дженни послушно отступила, пропуская его вперед. Они осмотрели квартиру Дэна и Сильвии, но никого там не нашли. Трупов не было.

Слава богу!

Когда они вернулись к столу администратора, лейтенант Уитмен перелистал книгу регистрации постояльцев гостиницы.

– Сейчас заняты только шесть номеров, все они на втором этаже.

Шериф взял нужные ключи с доски, расположенной рядом с ящичками для почты.

С повторившейся уже почти как ритуал осторожностью они поднялись наверх и осмотрели шесть номеров. В первых пяти лежали багаж, фотоаппараты, недописанные открытки и прочие свидетельства того, что в гостинице действительно проживали постояльцы; но самих постояльцев они не обнаружили.

В шестом номере, когда лейтенант Уитмен попытался открыть дверь в ванную, та оказалась заперта. Он несколько раз стукнул кулаком и прокричал:

– Полиция! Есть там кто-нибудь?

Никто не отозвался.

Уитмен посмотрел на ручку замка, потом на шерифа.

– С этой стороны она не запирается, так что внутри там должен кто-то быть. Высадить дверь?

– По-моему, она достаточно прочная, – проговорил Хэммонд. – Не калечь плечо, прострели замок.

Дженни взяла Лизу под руку и отвела ее в сторонку, чтобы в них не попали осколки и щепки.

Лейтенант Уитмен прокричал предупреждение тому, кто мог находиться в ванной комнате, затем выстрелил в замок, ударом ноги распахнул дверь и заскочил внутрь.

– Здесь никого нет.

– Может быть, выбрались в окно? – предположил шериф.

– Тут нет никаких окон, – ответил Уитмен, нахмурившись.

– А ты уверен, что дверь действительно была заперта?

– Абсолютно. И запереть ее можно было только изнутри.

– Но как, если там внутри никого не было?

Уитмен пожал плечами:

– Тут есть кое-что интересное. Зайди-ка взгляни.

Посмотреть зашли все; ванная комната оказалась достаточно большой, так что четыре человека не ощущали особой тесноты. На зеркале, висевшем над раковиной, большими жирными черными печатными буквами, явно в спешке, было написано:

ТИМОТИ ФЛАЙТ ВЕКОВЕЧНЫЙ ВРАГ

В следующей квартире, расположенной над очередным магазинчиком, Фрэнк Отри и полицейские из его группы обнаружили еще один совершенно мокрый ковер, который хлюпал у них под ногами. Те ковры, что лежали в гостиной, в столовой и в спальнях, были сухими. А тот, что лежал в холле, по пути на кухню, можно было выжимать. На самой же кухне пол, выложенный виниловой плиткой, был на три четверти залит водой, глубина которой в некоторых местах составляла почти дюйм.

– Наверное, где-то труба протекла, – сказал Джейк Джонсон, стоя в холле и разглядывая оттуда, что творилось на кухне.

– Ты это и в том доме говорил, – напомнил ему Фрэнк. – Странное совпадение, тебе не кажется?

– Но это самая обычная вода. Не понимаю, какая тут может быть связь со всеми... этими убийствами, – сказал Горди Брэгэн.

– Черт, мы просто зря тратим время, – проговорил Стю Уоргл. – Ничего тут нет. Пошли отсюда.

Не обращая внимания на их реплики, Фрэнк вошел на кухню и осторожно прошел по краешку стоявшего там небольшого озера, направляясь к сухому месту возле шкафов с посудой. Немного порывшись в них, он отыскал пластмассовую банку, в какие хозяйки обычно складывают остатки еды: чистую, сухую, с завинчивающейся крышкой, которая не пропускала воздух. В одном из ящиков нашел большую ложку и с ее помощью собрал в банку немного воды с пола.

– Что это ты делаешь? – спросил его Джейк.

– Беру пробу.

- Пробу? Зачем? Это простая вода.
- Да, – сказал Фрэнк, – но как-то это все странно.

* * *

Ванная. Зеркало. Большие жирные черные буквы.
Дженни пристально разглядывала четыре написанных там слова.
– А кто такой Тимоти Флайт? – спросила Лиза.
– Возможно, тот, кто это написал, – сказал лейтенант Уитмен.
– Этот номер записан на имя Флайта? – поинтересовался шериф.
– Такого имени вообще не было в регистрационной книге, я уверен, – ответил лейтенант.
– На обратном пути проверим, но я точно помню, что такого имени там не было.
– Быть может, Тимоти Флайт – это один из убийц, – сказала Лиза. – Возможно, тот, кто жил здесь, узнал его и оставил эту надпись.

Шериф отрицательно покачал головой:

– Нет. Если бы Флайт был как-то связан с тем, что произошло в городке, он бы не оставил на зеркале свое имя. Он бы его стер.

– А может быть, он не знал, что оно тут написано, – предположила Дженни.

– А возможно, даже и знал, но он – один из тех буйнопомешанных, о которых вы говорили, и поэтому ему наплевать, поймают его или нет, – сказал лейтенант.

Брайс Хэммонд посмотрел на Дженни:

– Есть в городке кто-нибудь по имени Флайт?

– Никогда не слышала этого имени.

– А вы всех в Сноуфилде знаете?

– Да.

– Все пятьсот человек?

– Почти всех, – ответила Дженни.

– Почти всех... Значит, здесь все-таки может оказаться житель по имени Тимоти Флайт?

– Даже если я сама ни разу с ним не встречалась, я должна была слышать от кого-нибудь его имя. Это маленький городок, шериф, очень маленький, по крайней мере в несезонный период.

– Может быть, это кто-то из Маунт-Ларсона, Шейди-Руста или Пайнвилля, – высказал предположение лейтенант.

Дженни страшно хотелось побыстрее выбраться из ванной и обсудить надпись на зеркале где-нибудь в другом месте. Не тут. А на открытом месте, где ничто не могло бы подобраться к ним, само оставаясь незамеченным. У Дженни было какое-то сверхъестественное, ни на чем не основанное, но тем не менее совершенно отчетливое чувство, что именно в эту самую минуту нечто – нечто чертовски странное – находилось в другой части гостиницы и втайне от них занималось там чем-то ужасным; и то, что ни она сама, ни Лиза, ни шериф, ни его помощник не знали этого, представляло для них величайшую опасность.

– А что означает вторая часть? – спросила Лиза, показывая на слова «ВЕКОВЕЧНЫЙ ВРАГ».

После долгого молчаливого раздумья Дженни наконец сказала:

– Наверное, Лиза в самом начале была все-таки права. По-видимому, тот, кто сделал эту надпись, хотел сообщить нам, что Тимоти Флайт – его враг. Я полагаю, что и наш враг тоже.

– Возможно, – с сомнением в голосе произнес Брайс Хэммонд. – Но он выбрал очень необычный способ сделать это. Станные слова: «вековечный враг». Почти архаичные. Если он заперся в ванной, чтобы спрятаться от Флайта, и в спешке писал предупреждение, то почему он просто не написал: «Тимоти Флайт, мой старый враг» или что-нибудь другое, но ясно и прямо?

– В самом деле, – согласился лейтенант Уитмен, – если бы он хотел оставить сообщение с обвинением против Флайта, он бы написал: «Это сделал Тимоти Флайт» или «Флайт убил всех». И уж меньше всего он бы хотел как-то затемнить суть того, о чем писал.

Шериф принялся перебирать и осматривать то, что стояло на широкой полке прямо под зеркалом: здесь были флакон лосьона для кожи, лимонный крем после бритья, мужская электрическая бритва, пара зубных щеток, зубная паста, расчески, щетки для волос, набор женской косметики.

– Судя по всему, в этом номере жили двое. Возможно, они и в ванной заперлись вдвоем – а значит, оба растворились потом в воздухе. Но чем же они сделали эту надпись на зеркале?

– Похоже, что карандашом для бровей, – сказала Лиза.

– Да, мне тоже так кажется, – кивнула Дженни.

Они обыскали всю ванную в поисках черного карандаша для бровей, но так и не смогли его найти.

– Потрясающе, – раздраженно произнес шериф. – Значит, карандаш для бровей исчез вместе с тем, а возможно, и с теми двумя, кто заперся здесь в ванной. Двое похищены из запертой комнаты.

Они спустились вниз и снова подошли к столу администратора. Согласно записи в регистрационной книге, номер, где они обнаружили надпись на зеркале, числился за супругами Орднэй из Сан-Франциско.

– Постояльца по имени Тимоти Флайт нет вообще, – заметил шериф Хэммонд, закрывая регистрационную книгу.

– Ну что ж, – произнес лейтенант Уитмен, – больше мы сейчас здесь все равно ничего не выясним.

Услышав эти слова, Дженни почувствовала облегчение.

– Ладно, – сказал Брайс Хэммонд. – Пошли к остальным. Быть может, они нашли что-нибудь такое, чего мы не увидели.

Они двинулись через вестибюль к выходу, но едва успели сделать пару шагов, как громкий вскрик Лизы заставил их остановиться.

Буквально через секунду уже все увидели то, что первоначально привлекло внимание одной только Лизы. Оно находилось на одном из столиков, прямо в свете лампы под розовым абажуром, и было освещено настолько красиво, что казалось выставленным тут произведением искусства. Это была мужская рука. Отрезанная рука.

Лиза отвернулась от ужасного зрелища.

Дженни обняла сестру и прижала к себе, глядя через ее плечо на эту руку с отвращением, но не в силах отвести от нее взгляд. Рука казалась исчадием ада, она издевалась над ними, она была реальна и в то же время невероятна.

Между большим и указательным пальцем она крепко держала карандаш для бровей. Тот самый карандаш для бровей. Именно его. Это должен был быть именно тот карандаш.

Дженни испытала не меньший ужас, чем Лиза, но она прикусила губу и подавила вскрик. Ее ужас и отвращение были вызваны не только видом этой руки. У нее перехватило дыхание и возникло жжение в груди при мысли о том, что еще совсем недавно никакой руки на этом столике не было. Кто-то поставил ее здесь, пока они были наверху; поставил, зная наверняка, что они на нее наткнутся. Кто-то издевался над ними. Кто-то с крайне извращенным чувством юмора.

Дженни еще не приходилось видеть, чтобы глаза Брайса Хэммонда, постоянно спрятанные под тяжелыми веками, распахивались так широко.

– Черт побери, но ведь раньше этой штуки здесь не было!

– Не было, – согласилась Дженни.

До сих пор шериф и его помощники держали свои револьверы, направив стволами в пол. Сейчас они взяли оружие на изготовку, словно опасаясь, что отрезанная рука может бросить карандаш для бровей, подлететь к чьему-нибудь лицу и выдавить глаза.

Никто из них не в силах был произнести ни слова.

От спирального орнамента на восточном ковре, казалось, исходили потоки ледяного воздуха, как от труб мощного холодильника.

Наверху, в одной из дальних комнат, скрипнула то ли доска пола, то ли несмазанная дверная петля. Потом еще раз скрипнула, потом издала протяжный стонущий звук.

Брайс Хэммонд посмотрел вверх, на потолок вестибюля.

К-р-р-и-и-и-к.

Это мог быть совершенно естественный звук, какие всегда издает дом при усадке. Но могло быть и что-то другое.

– Теперь уже сомнения нет, – сказал шериф.

– В чем нет сомнения? – спросил лейтенант Уитмен, глядя не на шерифа, но сразу на все выходящие в вестибюль двери.

Шериф повернулся к Дженни:

– Помните, вы мне сказали, что когда незадолго до нашего приезда слышали сирену и звон церковного колокола, то подумали, что случившееся со Сноуфилдом, возможно, еще продолжается.

– Да.

– Вы были правы. Теперь мы можем быть в этом уверены.

Глава 12

Поле боя

В конце квартала, на ярко освещенном участке тротуара возле продовольственного магазина Гилмартина, их ждали Фрэнк, Горди, Стю Уоргл и Джейк Джонсон.

Джейк следил взглядом за Брайсом Хэммондом с момента, как тот вышел из гостиницы «При свечах», и молил Бога, чтобы шериф двигался поживее. Ему очень не нравилось стоять тут, на ярком свете. Все равно как на сцене, черт возьми. На этом месте Джейк чувствовал себя уязвимым.

Правда, несколько минут назад, когда они занимались осмотром домов, им приходилось пересекать совершенно темные участки, где казалось, что тени дышат и движутся, словно живые существа; и там Джейку не терпелось поскорее оказаться именно на том ярко освещенном участке улицы, где он сейчас стоял. Тогда Джейк боялся темноты точно так же, как теперь боялся яркого света.

Он нервно провел рукой по своим густым седым волосам. Другую руку он держал на спусковом крючке револьвера, хотя тот и лежал в кобуре.

Джейк Джонсон не просто верил в осторожность – он молился на нее, осторожность была его богом. Лучше перебдеть, чем недобдеть; лучше синица в руках, чем журавль в небе; не спеши, солдат, будет команда «отставить!»... Таких правил у него было в запасе не меньше миллиона. Они служили для него чем-то вроде бакенов на реке, указывающих единственно безопасный путь; все, что находилось вне обозначенных этими бакенами пределов, было зоной стихии, хаоса, неопределенности и риска.

Джейк никогда не был женат. Брак означал бы необходимость взять на себя огромную дополнительную ответственность, он потребовал бы рискнуть своим душевным спокойствием, своими деньгами, всем своим будущим.

Джонсон вел осторожный и экономный образ жизни, особенно бережлив он был во всем, что касалось финансовых вопросов. Ему удалось отложить довольно значительную сумму на черный день, вложив свои сбережения в несколько надежных предприятий.

Из своих пятидесяти восьми лет больше тридцати семи Джейк Джонсон проработал в окружной полиции Санта-Миры. Уже давным-давно он мог бы уйти в отставку и получать пенсию. Но он очень опасался инфляции и потому продолжал служить, увеличивая тем самым размеры своей пенсии и откладывая на будущее все больше и больше денег.

То, что Джейк Джонсон стал полицейским, было, по-видимому, единственным неосторожным поступком за всю его жизнь. Он не хотел быть полицейским. Боже упаси! Но его отец, Ральф Джонсон – Большой Ральф, как его называли, – на протяжении сороковых и пятидесятих годов был шерифом этого округа и ожидал, что сын пойдет по его стопам. Ответов «нет» Большой Ральф не признавал в принципе. Джейк ни минуты не сомневался, что, если он не поступит на работу в полицию, Большой Ральф лишит его наследства. А этого он никак не хотел. Не то чтобы в их семье скопилось огромное наследство: по правде сказать, никакого особого богатства у них не было. Но все-таки был неплохой дом и солидные счета в нескольких банках. А позади дома, на лужайке, за гаражом, на глубине трех футов были закопаны несколько больших каменных кувшинов, до отказа набитых туго скрученными пачками двадцати-, пятидесяти- и столларовых купюр. Когда-то Большой Ральф получил эти деньги как взятки и отложил их на черный день. Вот почему Джейк тоже стал полицейским, как и его папочка, который в конце концов умер в возрасте восьмидесяти двух лет, когда Джейку стукнуло пятьдесят один. К этому времени Джейк был обречен оставаться полицейским до конца своих дней, потому что ничего другого делать он не умел.

Вел он себя осмотрительно. Например, старался не попадать на те выезды, где причиной вызова полиции были семейные скандалы: в такого рода столкновениях страсти разгорались вовсю, и, если полицейский вступал между разгоряченными мужем и женой, его иногда даже убивали. Зачем далеко ходить за примерами: этот агент по продаже недвижимости, Флетчер Кейл. Год назад Джейк купил с его помощью небольшой участок в горах, и тогда Кейл казался ему совершенно нормальным и обычным человеком. А теперь вот он убил жену и сына. Если бы в тот момент у них в доме оказался полицейский, Кейл бы и его прикончил. Когда же от дежурного поступало сообщение о происходящем где-либо в данный момент грабеже, Джейк обычно неверно указывал свое местонахождение, выбирая район как можно дальше от места преступления. Дежурный направлял туда те патрули, которые оказывались поближе; когда Джейк в конце концов приезжал, все, как правило, было уже кончено.

Он не был трусом. Ему случалось оказываться на линии огня, и, когда это происходило, он дрался, как тигр, как лев, как разъяренный медведь. Он был просто осторожен.

В работе полицейского были обязанности, которые даже доставляли ему удовольствие. Ему нравилось дорожное патрулирование. А бумажную работу он выполнял просто-таки с наслаждением. Единственной светлой стороной ареста была для него необходимость заполнять потом огромное число разных бумаг, что давало возможность минимум пару часов просидеть в полицейском участке, в тишине и безопасности.

На этот раз, к сожалению, его подвела именно любовь к бумажной работе. Когда поступил звонок от доктора Пэйдж, он сидел за столом, заполняя очередные бумаги. Если бы в тот момент он оказался где-нибудь на улице, в патрульной машине, то избежал бы необходимости ехать в Сноуфилд.

А теперь вот он здесь. Стоит под ярким уличным фонарем и изображает собой прекрасную мишень. Черт возьми.

Но хуже всего было то, что в магазине Гилмартина явно произошло нечто очень неприятное, и сомнений в этом не могло быть никаких. Две из пяти больших стеклянных витрин, что шли по фасаду супермаркета, были разбиты изнутри, так что весь тротуар перед магазином был засыпан стеклом. Банки с консервами для собак и упаковки с водой и пивом – по шесть банок в каждой – были вышвырнуты через эти витрины и теперь валялись по всей мостовой. Джейк опасался, что шериф заставит их идти осматривать магазин, но боялся он и ждать здесь, на улице, где тоже могла таиться опасность.

Но вот наконец подошли шериф, Тал Уитмен и две женщины, и Фрэнк Отри продемонстрировал им пластмассовую банку со взятой им пробой воды. Шериф сказал, что они тоже обнаружили огромную лужу в магазинчике Брукхарта, и все согласились, что за этим что-то кроется. Тал Уитмен рассказал об увиденном в гостинице «При свечах»: о надписи на зеркале и об отрезанной руке, – господи, какой ужас! – но и тут ни у кого не было никаких разумных объяснений.

Шериф Хэммонд повернулся к разбитым витринам супермаркета и произнес именно те слова, которые Джейк так боялся услышать:

– Давайте-ка посмотрим.

Джейк не хотел входить в магазин первым. Но он не хотел быть и последним. И потому протиснулся в дверь в середине группы.

Внутри весь продовольственный магазин был разгромлен. Черные металлические стеллажи с товарами, что стояли ближе к трем кассам, были опрокинуты, и по всему полу разлетелись пачки жевательной резинки и лезвий для бритвы, шоколадки, конфеты, книги и прочие мелочи, какими обычно торгуют возле кассы.

Они прошли вдоль витрин фасада, заглядывая по дороге в каждый проход. Везде товары были сброшены с полок и раскиданы по полу. Коробки с пшеничными, кукурузными и другими хлопьями были смяты, разорваны, раскрыты, их содержимое грудами лежало на полу,

а поверх были разбросаны прежние яркие упаковки. Бутылки с уксусом были перебиты, из-за чего в магазине стоял едкий запах. Варенья, маринады, горчица, майонез, приправы были вытряхнуты из банок и свалены в одну огромную клейкую кучу.

Возле самого последнего прохода Брайс Хэммонд повернулся к доктору Пэйджу:

– А сегодня вечером этот магазин должен был быть открыт?

– Нет, – ответила она, – но, по-моему, иногда в воскресные вечера они выставляли товары на полки. Не каждое воскресенье, но иногда они это делали.

– Давайте посмотрим в задней части магазина, – сказал шериф. – Может быть, найдем что-нибудь интересное.

«Вот этого-то я и боюсь», – подумал Джейк.

Все направились вслед за Брайсом Хэммондом, переступая через наваленные на полу пятифунтовые пакеты с сахаром и мукой. Некоторые из пакетов лопнули, их содержимое высыпалось.

В задней части магазина стояли высокие, по грудь, охлаждаемые прилавки для мяса, сыра, яиц и молока. Дальше за ними находилась блистающая чистотой зона, где резали, взвешивали и упаковывали для продажи мясо.

Взгляд Джейка нервно пробежал по разделочным столам и фаянсовым блюдам. Не увидев на них ничего, Джейк вздохнул с облегчением. Он бы не удивился, если бы здесь оказалось тело управляющего магазином, аккуратно разделанное на вырезку, суповые наборы и котлеты.

– Давайте заглянем в складское помещение, – сказал Хэммонд.

«Лучше бы не надо», – подумал Джейк.

– Быть может... – Хэммонд не договорил.

В этот момент погас свет.

Единственными окнами в магазине были витрины, но и оттуда не проникало никакого света, потому что уличные фонари тоже погасли. В задней же части магазина темень стояла полная, кромешная.

Несколько голосов заговорили одновременно:

– Фонари!

– Дженни!

– Фонари!

Все последующее происходило с невероятной быстротой.

Тал Уитмен включил электрический фонарь, и его сильный, похожий на лезвие меча луч уперся в пол. В тот же самый момент что-то ударило Тала сзади, нечто невидимое, подкрававшееся к ним в темноте с невероятной скоростью и совершенно бесшумно. От удара Уитмен полетел вперед и столкнулся со Стю Уорглом.

Отри как раз вынимал из специальной петли на ремне свой фонарь, но, прежде чем он успел включить его, на него налетели Уоргл и Уитмен, и все трое повалились на пол.

От падения фонарь Тала вылетел у него из рук.

Луч крутящегося в воздухе фонаря на миг выхватил из темноты Брайса Хэммонда, тот попытался поймать фонарь, но промахнулся.

Фонарь со стуком упал на пол и откатился в сторону. Пока он катился, его луч с каждым поворотом бросал вокруг дикие пляшущие тени, но ни разу не высветил ничего необычного или угрожающего.

И тут что-то холодное дотронулось сзади до шеи Джейка. Холодное и слегка влажное – но несомненно живое.

Он вздрогнул от этого прикосновения и попытался обернуться.

Что-то обвило его шею с такой же быстротой, как захлестывающаяся вокруг шеи плеть.

Джейк, раскрыв рот, лихорадочно ловил воздух.

Но прежде чем он успел хотя бы поднять руку, чтобы схватиться с тем, кто напал на него, руки его оказались плотно прижатыми к телу.

Он почувствовал, что его поднимают в воздух с такой легкостью, словно он был ребенком.

Он попытался крикнуть, но чья-то железная рука зажала ему рот. По крайней мере, он подумал, что это была рука. Но по ощущению это было что-то холодное и сырое, скорее похожее на угря.

И оно воняло. Не очень сильно. Оно не распространяло вокруг себя зловоние. Но его запах настолько отличался от всего, с чем приходилось раньше сталкиваться Джейку, был таким резким, горьким и непонятным, что даже в очень малых количествах был почти невыносим.

Джейк почувствовал, как его захлестывают волны отвращения и ужаса, как они все нарастают и нарастают. Он ощутил присутствие чего-то невообразимо странного и безусловно враждебного и злого.

Фонарь все еще крутился по полу. С того момента, когда Тал выронил его, прошло не больше двух секунд, хотя Джейку казалось, что прошло гораздо больше времени. Но вот фонарь крутнулся в последний раз, ударился о нижнюю часть охлаждаемого прилавка, его стекло разлетелось на мелкие кусочки, и они остались даже без этого небольшого пляшущего света: пусть он ничего не освещал, но все же с ним было лучше, чем в полной темноте. Вместе с погасшим лучом фонаря гасла и всякая надежда.

Джейк напрягал все свои силы, извивался, как только мог, он отчаянно сопротивлялся, стараясь вырваться, освободиться, сбросить с себя эти сковавшие его непонятные тиски. Его судорожные движения напоминали одновременно и припадок эпилептика, и панические метания, и какой-то фантастический танец. Но ему не удавалось высвободить даже одну руку. Его невидимый противник стискивал Джейка все сильнее и сильнее.

Джейк слышал, как остальные члены группы окликают друг друга; ему казалось, что их голоса долетают до него откуда-то очень издалека.

Глава 13

Неожиданность

Джейк Джонсон исчез.

Прежде чем Талу удалось найти уцелевший фонарь, тот, который уронил Фрэнк Отри, свет в супермаркете замигал, а потом загорелся ярко и ровно. Темнота длилась не больше пятнадцати-двадцати секунд.

Но Джейк исчез.

В поисках его они осмотрели весь магазин. Его не было ни в проходах между прилавками, ни в холодильнике, где лежало мясо, ни на складе, ни в помещении конторы, ни в раздевалке и душевых для продавцов.

Они вышли из магазина – теперь их оставалось только семеро, – двигаясь вслед за Брайсом со всеми предосторожностями и в глубине души надеясь, что Джейк ждет их снаружи, на улице. Но и там его тоже не было.

Повисшая над Сноуфилдом тишина казалась им теперь приглушенным издевательским смешком.

Тал Уитмен подумал, что ночь стала гораздо более темной, нежели казалась всего несколько минут назад. Она напоминала какую-то огромную, бездонную и ненасытную утробу, готовую поглотить их в любой момент. А они, не зная и не сознавая того, уже сами ступили в эту утробу.

– Куда он мог подеваться? – спросил Горди. Выглядел он взбешенным, но так бывало всегда, когда Горди хмурился, на самом деле он вовсе не злился, а был просто напуган.

– Никуда он не подевался, – ответил Стю Уоргл. – Его утащили.

– Но он же не звал на помощь.

– Не успел.

– Вы думаете, он еще жив или... уже умер? – спросила Лиза Пэйдж.

– На твоём месте, куколка, – ответил Уоргл, потирая щетину на подбородке, – я бы особенно не надеялся. Готов прозакладывать последний доллар, что где-нибудь мы его найдем и он будет неподвижен, как камень, и такой же вздувшийся и побагровевший, как все, кого мы тут видели.

Девочка вздрогнула и еще сильнее прижалась к сестре.

– Эй, ребята, давайте не будем списывать Джейка так быстро, – произнес Брайс Хэммонд.

– Согласен, – сказал Тал. – В этом городке действительно много мертвых. Но сдаётся мне, что большинство жителей не мертвы. Они просто исчезли.

– Они мертвее, чем те младенцы, которых зажарили напалмом. Верно, Фрэнк? – Уоргл никогда не упускал возможности подколоть бывшего офицера, служившего в свое время во Вьетнаме. – Мы их просто пока еще не нашли.

Фрэнк не ответил на этот выпад. Он был достаточно умен и умел контролировать себя, чтобы не отвечать на такие наскоки. Не реагируя на слова Уоргла, он проговорил:

– Чего я не могу понять, так это того, почему оно не схватило нас всех, когда имело такую возможность? Почему оно только сбilo Тала с ног?

– Я включал фонарь, – ответил Тал. – Оно этого явно не хотело.

– Да, – продолжал Фрэнк, – но почему из всех нас оно схватило только Джейка и почему сразу же после этого мгновенно исчезло?

– Оно нас дразнит, – сказала доктор Пэйдж. В свете уличного фонаря глаза ее, казалось, горели зеленым огнем. – Помните, я вам говорила о церковном колоколе и пожарной сирене? Что-то похожее и тут. Оно играет с нами, как кошка с мышью.

– Но зачем? – раздраженно спросил Горди. – Что оно от этого имеет? Чего хочет?

– Погодите-ка минутку, – перебил Брайс. – Почему это мы вдруг стали говорить «оно»? Когда я в последний раз спрашивал у каждого его мнение, по-моему, все сошлись на том, что подобное могла сделать только шайка убийц-психопатов. Маньяков. То есть людей.

Все стояли молча и неловко переглядывались между собой. Никто не торопился первым высказать то, что было на уме у всех. То, что раньше представлялось совершенно немыслимым, теперь казалось уже вполне мыслимым, даже реальным. Но есть вещи, которые нормальному разумному человеку обычно непросто бывает выразить в словах.

Из темноты налетел сильный порыв ветра, и деревья склонились почтительно и благоговейно.

Свет в уличных фонарях опять заколебался.

Все насторожились, встревоженные этим миганием. Тал положил руку на рукоятку револьвера, хотя и не стал доставать его из кобуры. Но на этот раз свет не погас.

Они напряженно вслушивались в кладбищенскую тишину городка. Но единственным звуком был шелест потревоженных ветром деревьев, похожий на долгий, постепенно иссякающий выдох на краю могилы, на протяжный предсмертный вздох.

«Джейк и вправду мертв, – подумал Тал. – На этот раз Уоргл прав. Джейк мертв, а может быть, и все мы уже трупы, просто мы этого еще не знаем».

Обращаясь к Фрэнку Отри, Брайс спросил:

– Фрэнк, почему ты сказал «оно», а не «они» или как-нибудь еще?

Фрэнк посмотрел на Тала, ища поддержки, но Тал и сам толком не понимал, почему он тоже говорил «оно». Фрэнк откашлялся, прочищая горло, переступил с ноги на ногу, поглядел на Брайса, пожал плечами.

– Ну, наверное, сэр, я сказал «оно» потому... ну... солдат, то есть если бы противником был человек, убил бы нас там, в супермаркете, раз у него была такая возможность. Всех сразу, прямо в темноте.

– Значит, ты считаешь, что наш противник – что? – не человек?

– Может быть, это какое-то... животное?

– Животное? Ты и в самом деле так думаешь?

Чем дольше продолжался этот разговор, тем больше Фрэнку становилось явно не по себе.

– Нет, сэр.

– Ну а что же ты думаешь? – спросил Брайс.

– Черт возьми, даже не представляю, что делать, – с отчаянием в голосе произнес Фрэнк. – Вы знаете, я человек военный. Военные не любят ни во что ввязываться вслепую. Они обычно очень тщательно планируют свою стратегию. А хорошее, основательное стратегическое планирование зависит от того, каким опытом мы обладаем и насколько он надежен. Что происходило в похожих сражениях в прошлых войнах? Что делали другие в подобных обстоятельствах? Добились они успеха или потерпели неудачу? А тут у нас не только нет в прошлом чего-либо похожего, нам вообще не с чем это сравнивать. Нет никакого опыта, на основе которого можно было бы строить предположения. Все это так странно. Вот поэтому я и думаю о нашем враге как о каком-то неопределенном, безличном «оно».

– А вы? – спросил Брайс, поворачиваясь к доктору Пэйджу. – Почему вы говорили «оно»?

– Не знаю. Наверное, по тем же причинам, что и Отри.

– Но ведь именно вы высказали гипотезу о том, что под влиянием болезни здесь могли появиться помешанные, которые потом превратились бы в стаю маньяков-убийц. Сейчас вы это исключаете?

– Нет, – нахмурилась она. – Пока еще мы ничего не можем исключать. Но, шериф, я никогда не утверждала, что такое объяснение – единственно возможное.

– У вас есть другие объяснения?

– Нет.

– А у тебя? – Брайс посмотрел на Тала.

Тал, как и Фрэнк несколькими минутами раньше, тоже не знал, что ответить, и чувствовал себя крайне неудобно.

– По-моему, я стал говорить «оно», потому что я уже не могу соглашаться с предположением о маньяках-убийцах.

– Вот как? А почему нет? – Тяжелые веки Брайса поднялись от удивления небывало высоко.

– Из-за того, что произошло в гостинице «При свечах», – ответил Тал. – Когда мы спустились вниз и обнаружили в вестибюле на столике эту руку, сжимающую карандаш для броуей, который мы искали... ну... мне кажется, маньяк-убийца такого бы не сделал. Все мы уже достаточно давно работаем в полиции и навидались подобных типов. Кому-нибудь из вас когда-либо доводилось встречать психопата, у которого было бы чувство юмора? Пусть даже какое-нибудь гнусное, извращенное, но чувство юмора? Все они – люди, абсолютно лишённые этого чувства. Они утратили способность смеяться над чем бы то ни было. Может быть, отчасти поэтому они и чокнутые. И когда я увидел эту руку на столике в вестибюле, я сразу понял, что она не стыкуется с предположением о маньяке. Я согласен с Фрэнком: я тоже склонен пока думать о нашем враге как о безличном «оно».

– Почему никто из вас не хочет признаваться в том, что вы на самом деле думаете? – тихо проговорила Лиза Пэйдж. Ей было четырнадцать лет, она была подростком, который вот-вот должен был превратиться в красивую девушку, но сейчас она смотрела на всех остальных с той наивностью и прямоотой, с какой смотрят обычно маленькие дети. – Ведь в глубине души по-настоящему каждый из нас знает, что все это сделали не люди. Господи, все так ужасно – одни ощущения при виде этого чего стоят, – так странно и отвратительно. И чем бы оно ни было, все мы чувствуем, что оно здесь. Мы все боимся этого «оно». И поэтому из последних сил стараемся сделать вид, будто его тут нет. Не признаемся себе в очевидном.

Один только Брайс выдержал взгляд девочки, не отводя глаз, и задумчиво, изучающе глядел на Лизу. Все остальные потупились. Друг на друга они тоже избегали смотреть.

«Не любим мы вглядываться в самих себя, – подумал Тал, – а девочка призывает нас именно к этому. Нам не хочется всмотреться в себя и обнаружить внутри голое примитивное суеверие. Мы же ведь все цивилизованные, образованные, взрослые люди. А взрослые не должны верить во всякую чертовщину».

– Лиза права, – сказал Брайс. – Единственный способ разрешить эту загадку – а может быть, и единственный способ нам самим не стать очередными жертвами – это подойти к ней непредубежденно, ничем не сдерживать свое воображение.

– Согласна, – сказала доктор Пэйдж.

– И что же нам прикажете думать? – с сомнением покачал головой Горди Брэгэн. – Вообще все, что угодно? Я хочу сказать, какие-нибудь пределы нашему воображению должны быть? Или надо учитывать и такие версии, как привидения, оборотни... даже вампиры? Должно же быть что-то такое, что мы могли бы заведомо исключить.

– Разумеется, – терпеливо проговорил Брайс. – Никто не утверждает, Горди, что мы имеем дело с привидениями или оборотнями. Но мы должны понимать, что столкнулись с чем-то неизвестным. Вот и все. С неизвестным.

– Не согласен, – угрюмо возразил Стю Уоргл. – Какое, черт возьми, неизвестное? Рано или поздно мы выясним, что все это – дело рук какого-нибудь извращенца, какого-нибудь грязного вонючего подонка, одного из тех мерзавцев, которых все мы уже рассмотрели.

– При таком взгляде, как у тебя, Уоргл, – сказал Фрэнк, – мы обязательно упустим какую-нибудь существенную улику. И кончится тем, что нас всех перебьют.

– Не торопись с выводами, – ответил Уоргл. – Увидишь, что я прав. – Он сплюнул на тротуар, заложил большие пальцы за пояс, на котором была подвешена кобура, и принял вид

человека, осознающего, что во всей этой компании он единственный, кому удалось сохранить хладнокровие и трезвость мысли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.